

www.Litmeridian.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Выходит с января 2008 года

№ 2 (64)

ФЕВРАЛЬ

2013

Ерофею
Павловичу
ХАБАРОВУ

В ДЕНЬ СТУДИИ
ГОРОДА ХАБАРОВСКА
1984-1985

АПТЕКА
НИЗКИХ ЦЕН
ул. Гагарина, 14
79-56-05

Памятник Ерофею Хабарову. . Фото Алексея БОГДАНОВА, г. Хабаровск.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Февраль 2013 года

№ 2 (64)

Главный редактор – Владимир КОСТЫЛЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г.В. БОГДАНОВ, зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

С.Д. БАРАБАШ, *г. Владивосток.*

А.К. КАПИТАН, *г. Владивосток.*

Э.В. КОЧЕТКОВА, *г. Владивосток.*

Е.А. КУДРЯВЦЕВ, *г. Владивосток.*

А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, *г. Москва.*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

И.В. БАНКРАШКОВА, *г. Хабаровск.*

В.В. БОГДАНОВ, *г. Омск.*

Н.А. ЗИНОВЬЕВ, *г. Кореновск.*

Ю.Н. КАБАНКОВ, *г. Владивосток.*

В.Я. КУРБАТОВ, *г. Псков.*

Р.П. ЛЯШЕВА, *г. Москва.*

Г.В. НАЗИМОВ, *Калифорния, США.*

В.В. ПРОТАСОВ, *г. Владивосток.*

В.М. ТЫЦКИХ, *г. Владивосток.*

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

И.В. КОНЧАТНЫЙ, *г. Арсеньев.*

В.Г. ХРАМЦОВ, *г. Арсеньев.*

И.И. ШЕПЕТА, *г. Владивосток.*

Арсеньев
2013

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

- с. 3. **Критические заметки.** Владимир ТЫЦКИХ.
- с. 9. **Пристальный взгляд.** Валерий КУЛЕШОВ.
- с. 9. **Проза.** Андрей УГЛИЦКИХ
- с. 11. **Мнение читателя.** Владимир ЯЛЫННЫЙ,
Ирина СУБОТНИЦКАЯ-КОЛОТОВА.
- с. 12. **Проза.** Валентина РУЗАВИНА.
- с. 13. **Поэзия.** Марина ЗАЙЦЕВА.
- с. 14. **Пересмешники.** Геннадий БОГДАНОВ.
- с. 15. **Поэзия.** Виталий СЕРКОВ.
- с. 16. **Свет памяти.** Дмитрий СОСНОВ.
- с. 17. **Поэзия.** Андрей КОЗЫРЕВ.
- с. 18. **Поэзия.** Зинаида ПАЛАЙЯ.
- с. 19. **Поэзия.** Виктор КОВРИЖНЫХ.
- с. 20. **Проза.** Анна ПЕТРОВА.
- с. 23. **Поэзия.** Вера ГУНДАРЕВА.
- с. 24. **Поэзия.** Михаил АНИЩЕНКО.
- с. 25. **Проза.** Александр БАЛТИН.
- с. 26. **Дни славянской письменности.** Евгений АНТИПИН.
- с. 27. **Путеводитель.** Виктор КРАСАВИН
- с. 29. **Поэзия членов лито «Дмитровские зори».**

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

Тропарь, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенно вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Дорогие друзья!

Если вы готовы помочь нашему изданию регулярно выходить в свет, развиваться и радовать почитателей изящной словесности качественной литературой, если желаете одарённым литераторам найти своего читателя – в ваших силах совершить перевод любовью приемлемой для вас суммы на счет «Литературного меридиана». Номер нашего счета в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**. Перевод можно осуществить в любом отделении **Сберегательного Банка России**, а также в Интернете.

ПУК ЗА ПУК, то есть КАК АУКНЕТСЯ...

Владимир ТЫЦКИХ,
г. Владивосток

«Владимир Михайлович, здравствуйте! К сожалению очень поздно получил (передали мне) Литературный меридиан», где опубликованы две главы из Вашей новой книги. Жаль. Но стихи «Вор» и далее по тексту не мои. Не я их написал. Кто автор? Уточните. И надо бы внести поправку, чьи стихи подверглись вашей разборке. Об остальных моментах писать не буду. Я не арсеньевский Есенин. Просто – Морозов. Всего вам доброго. Надеюсь, что вы ответите, как офицер: «Честь имею!» Исправьте недоразумение. Николай Морозов, член союза Российских писателей, почетный житель города Арсеньева. Над подписью не надо шутить. Она заслужена».

Письмо (печатается с ошибками оригинала) пришло очень не ко времени. И всегда-то много работы, а тут аврал – дыхнуть некогда. Однако старый товарищ не знает моей беды, посему приходится всё бросить, чтобы немедля «уточнить, исправить недоразумение и ответить».

Дорогой Николай Николаевич!

1. Ни в «Литературном меридиане», где опубликованы «две главы», ни в книге «Мы ещё здесь», откуда они взяты, нет прямых указаний, что подвергаемые анализу тексты написаны Вами. От обнаружения фамилии Вам хорошо известно имя автора снова воздержимся. Критика *произведений* часто, по какому-то непреодолимому недомыслию, воспринимается пишущими людьми как посягательство на их *человеческое достоинство*. Между тем, самый замечательный во всех отношениях, умнейший и добрейший человек не виноват, если он слабенький поэт или не поэт вообще. Так что не будем обижать без вины виноватых.

2. Главы, так Вас взволновавшие, написаны не с целью «разборки» с каким-то конкретным автором. Их смысл открывается в контексте книги. Также – в контексте всей моей работы последних двух десятилетий и творчества моих друзей-единомышленников, сотрудничающих с «Литературным меридианом». Наша страна, наш народ непомерно и незаслуженно страдают от вопиющего непрофессионализма, когда сплошь и рядом, во всех сферах материального производства, во всех областях жизни, в том числе и духовной, определяют порядок люди случайные, не подготовленные, не знающие дела, которым они занимаются. В означенных сюжетах использован в качестве примера материал, который мне наиболее известен, понятен и близок по роду деятельности, – материал литературный.

3. Ваше попадание в поле зрения во время работы над книгой – всецело Ваша, личная Ваша заслуга. Не однажды я просил Вас оставить в покое не любимое Вами, но уважаемое многими другими издание – ежемесячник «Литературный меридиан» и его редактора. Из номера в номер «Живого облака», в книгах Вашей супруги Клары Морозовой-Головкиной, в Ваших собственных сборниках, в публичных выступлениях и частных беседах за нашими спинами намёки, полунамёки и прямые выпады против «Литературного меридиана» по-прежнему остаются заметной составляющей Вашей творческой и общественной деятельности. Вы не слышите

наших просьб, как не слышите и советов своих друзей – даже таких авторитетных, как Александр Афанасьевич Егоров. Считаю необходимым напомнить его слова: «...позвольте дать Вам ещё один совет. Не надо пустых и никчёмных споров с Костылевым, не трогайте и Тыцких с Кабанковым, снизьте накал страстей, умерьте пыл, пусть каждый делает своё дело». Не буду в энный раз теревить Вас за рукав, цитируя Ваши труды и собирая камешки, брошенные Вами в наш огород. Жаль читателей и места на страницах серьёзного издания. Воздержусь также от предупреждений и обещаний. Вы уже имеете достаточный опыт общения с нами и можете заметить – мы ни разу не посягали на Ваше светлое имя, пока Вы сами не провоцировали очередную полемику словами и поступками, которые едва ли всегда можно считать корректными. Скажу прямо – не задирайтесь, и мы с удовольствием будем заниматься своим делом, не мешая Вам заниматься Вашим.

4. Я не собирался и не стал бы писать это открытое письмо, если бы одновременно с Вашим посланием ко мне редактор «Литературного меридиана» не получил аналогичную эпистола с вдохновляющим постскриптумом: «Адвоката нанял. В суд заявление подал. Моральный ущерб с Тыцких – 500 т.р. по тиражу книги. С Костылева – 250 т.р. по тиражу «Л.М.». Полагаю, без малого миллионный гешефт, который Вы возжелали получить за наше мнение

о Вашей редакторской работе и Вашем поэтическом таланте, даёт нам право высказать это мнение ещё раз. Дабы справедливость и обоснованность Ваших претензий была адекватно оценена и судебной властью, и равнодушной литературной общественностью.

5. Считается, что сын за отца не отвечает. Едва ли этот общеизвестный постулат подтверждается жизнью, но он существует давно и не нами придуман. А вот то, что отец отвечает за сына, никто, кажется, не оспаривает даже теоретически. По аналогии: автор не отвечает за редактора (хотя кто же запрещает ему, автору, делать разумный выбор?) Однако редактор не может уstraняться от ответственности за автора, чьи произведения он публикует. Автор имеет право (и многие широко им пользуются) не понимать, чего он насочинял. Редактору такого права не предоставлено. Назвался редактором, стало быть, готовься нести ответственность за всё, что посчитал достойным публикации. Посему, дорогой Николай Николаевич, за ИЗДАННЫЕ ВАМИ сборники, за каждую напечатанную в них строку и хвалить, и журить будут Вас. НЕЗАВИСИМО от того, принадлежит ли эта строка Вам лично или написана другим человеком, доверившимся Вашему профессиональному знанию и вкусу. Вы, между прочим, прекрасно это понимаете. Перелистайте, пожалуйста, и свои личные книги, и редактируемые Вами альманахи. Сколько в них опубликовано похвал в Ваш адрес, сколько благодарных слов, сколько обнародовано признаний Вашего выдающегося редакторского и организаторского таланта! Но что же делать, если кто-то видит в замечательной Вашей работе отдельные недостатки и маленькие огрехи? Страна у нас демократическая, литература – творческое дело свободных людей. Никто не вправе запрещать писателям и читателям иметь и высказывать своё мнение. Даже если оно является самым глубоким заблуждением. Каждый из нас имеет право ошибаться, не правда ли?

А теперь прошу Вас: давайте, так сказать, вернёмся к первоисточнику. Вновь не станем называть имён фамилий авторов, чьи строки будут цитироваться. Повторяю: за их качество несут ответственность и автор, и редактор. Последний, мне думается, даже в большей степени. Стоит, наверное, отметить, что в ряду приводимых примеров есть образцы и Вашего творчества. И – подчеркнём принципиально – все они взяты из изданий, к которым Вы имеете отношение, как минимум, в качестве редактора.

Начнём с элементарного – с первичного языкового элемента, которым, как известно, является слово. Читаем: «погибнувший». Вы встречали такое слово в книгах? В газетах? У Даля его нет. В четырёхтомном «Словаре русского языка» нет. Нет

Николай Морозов: «С Тыцких – 500 т.р. по тиражу книги. С Костылева – 250 т.р. по тиражу «Л.М.»».

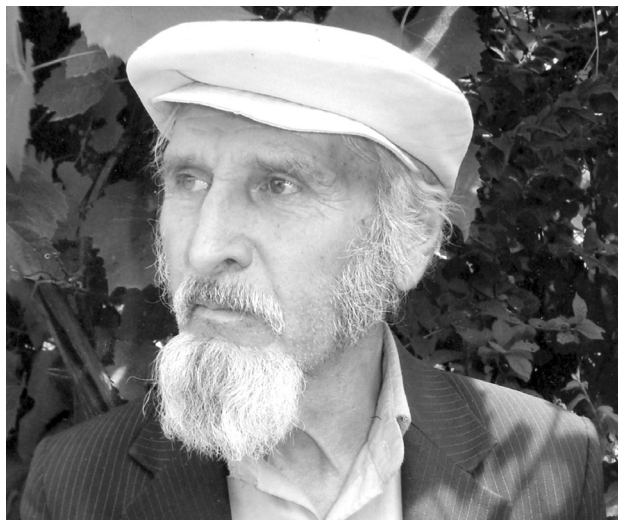
и в орфографических словарях. Смотрим в Интернете (клик – «Сервис», клик – «Правописание»). И тут нет. То есть, такого слова нет в русском языке. Есть – «погибший». Без выбора, без вариантов, без обсуждений. Читаем: «подстать». Тоже – нет. Есть «под стать». «Участности». Нет «участностей!» «Участие» есть, «причастность», много ещё однокоренных, близких по смыслу. «Участностей» нет, хоть плачь. Нет в русском языке слов «настишь», «обездушный», «изложусь»... Список легко продолжить.

Можно сказать: случайные ошибки, опечатки. Это в рукописи случайные ошибки, у машинистки – опечатки. В книге это – безграмотность. Наравне с отдельными «как и...», с которыми, КАК Известно, «Лукоморье» и «Живое облако» всегда активно боролись. Теоретически. На практике с «каками» всё обстоит сложнее, но мы о них запинаться не будем – с простым делом ученики и учителя из «ЖО», при желании, разберутся сами. Впрочем, чтобы нас не обвинили в навете, один пример приведём: «Обочина. И камень такой же, как и был».

А вот это – сравнение. Вам, как большому поэту, конечно, известно – такой поэтический «строительный материал». «...старик стал, как быт малыша». Что такое «быт малыша»? Каким образом старик может стать «бытом»? Хоть малыша, хоть не малыша... Сравнение в исследуемых текстах радует глаз нечасто. Новизной, как правило, не блещет, а порой, как видим, заставляет слегка почесать в затылке. Впрочем, исключения попадают. Например, «холодная рать». Догадались, что это? Снег! Разве непонятно?

Совсем немного – о рифмах. Тоже из первых, но не последних примет поэзии. «Чего не сделаешь сегодня – завтра встанет непреодолимым, ускользающим бугром. И потому-то обнадёживающий полдень не будет где-то укрываться за бугром». «Кто утро первым впустил – тот и счастье не пропустит». Ну сколько уже говорилось про «ботинок-полуботинок», стыдно повторять! А это – посвежее: «И встану, может быть, на твёрдых костылях, и потащу Россию за авоську, а то, что сын и внук живут впотьмах – не эта в жизни главная загвоздка». М-да... О художественных достоинствах сих строк помолчим с грустью, а рифмы замечательные, скажем прямо, редкие, находки просто: «сегодня – полдень», «костылях – впотьмах», «за авоську – загвоздка». Как слух ласкает, слышите?

Следующие элементы стихотворения: строки и строфы. Цитируем их строкой в подбор. Не только для экономии места, но и для наглядности. Запись поэтического текста «в столбик» скрывает дефекты стиля и деформации смысла от слабо подготовленного или слишком доверчивого читателя. Один из критериев добротности поэтического произведения – соответствие текста всем законам, которые применимы и к прозе. То есть, стихи пишутся по правилам языка, в равной степени обязательным для любых литературных жанров. Читаем. «Но на дедушку не сетуй, он пожил в немыслимой поре,

Николай Морозов.

и возникнет, замурлычил лето даже в замечательном январе!» Тут – целый букет творческих находок автора. От согласования окончаний и более чем сомнительного неологизма до трудно улавливаемого здоровым умом смысла. Читаем. «Почётный житель города. Попробуйте узнать. Усы вокруг да бороды. Все, как один, подстать. Почётные в участностях? Я с ними не знаком. У каждой в жизни ясности есть время для подков». Извините, лично я здесь мало чего понял. И то – с большим трудом. От одной только «жизни ясности», у которой «есть время для подков», голову сносит. А это – про апрель: «...весенним наградам он вечно в долгу». Нравится? Ничего, что не очень по-русски? Ладно, пойдём дальше. «Мне настроиться бы хоть на миг. Глянул в зеркало. Жив там... старик с бородой и усами на низ. И... настрой мой на нитке повис». А что, картинка живая, яркая, почти цветная, простим эти «усы на низ» – не самое, действительно, неожиданное на страницах великих книг. «Я на собачку утром очень не ворчу, когда сбегавший ночью тапочек ищу» оставим без комментариев. И это комментировать не будем: «Февраль не превзошёл на птичью милость». И это: «И... закачались берёзы в том далёком уголке, где возникают морозы, шествуя к нам налегке. Жалко, мне всё-таки жалко, что каждый минуса жест будет ко мне, как скакалка. Прыгнет. И скромно присест». Что комментировать, когда «минуса жест» «прыгнет», «как скакалка», и хотя и «скромно», но, судя по сюжету, окончательно и бесповоротно «присест»? Тем более если «...Путиним и всяким Жириновским не будет до моей тропы резон дотронуться, хоть ловко иль не ловко. Они живут совсем с других сторон!» К тому же: «Вблизи виднее друг ты или так лишь. Стареешься отринуться и всплыть. Кто упадёт сегодня утром настишь? А кто сумеет через бури плыть?» Очевидно, лирическому герою через бури плыть удаётся, поскольку: «Пополам сегодня разделил зиму, что на преисподней в этот день пойму. Я не половину зимней кутерьмы оставляю сыну с правой стороны,

«Ещё раз убедительно прошу без моего ведома и согласия не публиковать в Ваших изданиях мои литературные опусы, тем более – частную переписку.

Я, по Вашей просьбе, присылал Вам целостную подборку стихов – с «предисловием» и «биографическими вехами». Разбив подборку на фрагменты, Вы, по большому счёту, лишили себя морального права распоряжаться ею. В данной ситуации проявился, в частности, Ваш «культурный» уровень редактирования. Не стоило бы отвлекаться «по мелочам», но, например, самодеятельное «переназывание» стихотворений – яркий показатель сего «уровня» (вместо «Артур Рембо», – это, простите, такой французский поэт, – «Адамовы яблоки»). Дичь такого «переназывания», кроме дикости самого факта, состоит в Вашем девственном неведении того, что адамовым яблоком в просторечии называется, извините, мужской кадык.

На таком «крокодильском» («нарочно не придумаешь») уровне сотрудничать с Вами, повторяю, не имею возможности; а иной уровень к Вам с небес не спустится. Пусть Вас утешит то, что Вы не одиноки в подобном «редакторском» подходе к стихотворным публикациям: по схожей причине я отказался от сотрудничества, при советской ещё власти, со многими столичными изданиями. Так что – ещё раз: убедительно прошу...

Я загружен, думаю, не меньше Вашего, и тратить время на подобные разборки и объяснения – слишком роскошно. Если хотите – воспринимайте это как каприз, однако согласитесь, что я имею полное право распоряжаться собственной писаниной. Надеюсь, этот вопрос исчерпан...

Всех Вам благ».

Прислушаться бы Вам, Николай Николаевич... И даже, может быть, поблагодарить коллег за честный и прямой взгляд. Увы! Осмелившихся Вас критиковать сначала регулярно наставляло на путь истинный «Лукоморье», потом настойчиво учило жить «Живое облако». «...дело погибнувшего от рук недоброжелателей «Лукоморья» продолжает нынче народный приморский альманах «Живое облако». Клянемся..., что не позволим зазнавшимся авторам отстранить, оттеснить, затенить творчество не только приморцев... но и всех россиян, пишущих стихи, рассказы, песни». Эти грозные слова ни много ни мало – от имени всех пишущих россиян! – обращены к Юрию Кабанкову, Владимиру Костылеву, к Вячеславу Протасову, к сотням и сотням авторов и читателей «Литературного меридиана», живущим от Москвы и Санкт-Петербурга до Южно-Сахалинска и Корсакова, от Пскова и Кишинёва до Калгари и Калифорнии.

Мне кажется, что Вы, Николай Николаевич, видели ситуацию как-то очень по-своему. Не чувствовали её смехотворности. Она заключалась в том, что на вызовы «лукоморцев» чаще всего никто не обращал внимания. Реагировали редко, только когда

уж очень навязчиво доставали. А между тем, с «лукоморцами» подспудно, неожиданно для Вас, вершилась настоящая драма. Не умея и не пытаясь работать над собой, оказавшись в самоизоляции, они стали сдавать и так-то невысокие творческие позиции. Не случайно в произведениях катастрофически сузившегося круга авторов зазвучали такие интонации: «Мне настроиться бы, мне настроиться... и я воспряну и что-то скажу, То священное, чем дорожу». Ещё в 1962 году поэт Алексей Прасолов в письме литературоведу Инне Ростовцевой писал об этом «направлении» творческого поиска: «До чего же осточертели стихи о каких-то особых (сверкающих! единственных! алмазных) словах. Так и натыкаешься у каждого поэта на фразы: вот бы найти мне такое слово, вот бы мне спеть такую песню, вот бы сделать, чтобы слово горело и грело и т.д. и т.п.» Но, похоже, «лукоморцы» никакого Прасолова не читали, а может и не знают вообще. Да читают ли они самих себя? Как Вы думаете, Николай Николаевич?

Дорогой коллега! Позвольте напоследок поделить некоторыми мыслями о нашем общем деле. Мысли, возможно, спорные. Но я на истину в последней инстанции не претендую.

Не знаю, хорошо или плохо, что иногда литературой пытаются заниматься люди, не имеющие не только таланта, а даже элементарного понятия, что она из себя представляет. Любовь к литературе – драгоценное, счастливое качество любого человека, да ведь самой горячей любви к небу недостаточно для полёта. Никто не сядет за штурвал реактивного самолёта, не пройдя обучения. А незрячему мысль об этом просто не придёт в голову. Зато к писательскому столу смело подсаживаются все желающие даже из числа больных неизлечимой литературной слепоглухотой.

Сегодня легко стать писателем. Настолько легко, что ко многим и многим, кто воспользовался этой возможностью, слово «писатель» применимо только в кавычках. Не кажется ли Вам, Николай Николаевич, что литературу, поэзию, прежде всего, уже нужно спасать от таких «писателей»? Притом, разумеется, что талантам, как во все времена, надо помогать. В том числе, ограждая от агрессии серости и безвкусы.

Возможно, Вы не забыли, что много лет назад я, будучи руководителем Приморской писательской организации, одним из первых (мне даже кажется – первым) из профессиональных литераторов поддержал Вас и Ваше «Лукоморье»? В значительной мере это случилось потому, что Вы всем своим обликом, поведением и творчеством внушали сочувствие и желание Вам помочь. У Вас есть возможность, при добром отношении к старым соратникам, вспомнить и о том, из-за чего наше сотрудничество довольно быстро сошло на нет. Я предвидел, что Ваши поддавки с графоманами приведут «Лукоморье» к печальному концу. Так оно и случилось. Никаких других причин и объяснений у драмы с «Лукоморьем»

и «лукоморцами» нет, что бы Вы теперь ни говорили. Стоит Вам признать этот факт, у Вас сразу отпадет необходимость искать виноватых в Ваших ошибках, и Вы перестанете давать повод для неизбежной ответной критики, которую Вы весьма опрометчиво считаете клеветой. Если, конечно, Ваши нынешние действия не продиктованы простым желанием, как говорят знающие люди, «срубить денюжку на халяву». Я по-прежнему глубоко Вам сочувствую, с большим пониманием отношусь к Вашим проблемам, но у меня есть и свои проблемы, и я не готов к тому, чтобы Вы их увеличивали. Мне кажется, Ваше умение выглядеть обиженным, несправедливо ободенным, Ваше почти артистическая способность

вызывать в людях жалость и сочувствие уже принесли Вам всю возможную пользу, а теперь оборачиваются для Вас совсем ненужными неприятностями. И, к сожалению, не только для Вас.

Мне совсем не хочется, чтобы милейшая Клара Андреевна завтра повторила уже когда-то написанные ею слова: «Николай Николаевич тяжело пережил двустороннюю клевету в новой газете Владимира Костылева». Но если они будут повторены, я оставляю за собой право потребовать от Вас доказательств, что всё, что сказано в этом моём письме Вам, – действительно клевета. Иначе Вам самому придётся доказывать, что Вы не клеветник.

Честь имею!

ОТ РЕДАКЦИИ. Николай Николаевич Морозов с такой регулярностью и тщательностью указывает читающей публике на свои регалии и заслуги, что это воспринимается как главный, а нередко – единственный аргумент к доказательству его правоты в «литературных» полемиках. «Литературный Меридиан», ни в коем случае не подвергая сомнению соответствие званий и наград Николая Николаевича Морозова его реальным делам и подлинным талантам, считает своевременным поподробней представить писателей, которые, не желая этого, оказались невольными оппонентами нашего выдающегося земляка. Следует отметить, что сами эти писатели публично печатно вспоминают о своих достижениях редко, а без уважительного повода этого, вообще, никогда не делают.

Юрий Николаевич Кабанков. Поэт, критик, переводчик, публицист, филолог, богослов. Служил на Тихоокеанском флоте, работал парашютистом-пожарным, электромонтажником, преподавал литературу в сельской школе, рецензировал и редактировал книги, в том числе для издательств «Художественная литература», «Современник», «Советский писатель» и др. Выпускник Литературного института им. Горького 1983 года. Член Союза писателей СССР с 1988 года (ныне – СП России), член Всемирной организации писателей International PEN Club. Автор множества публикаций в центральной, региональной и зарубежной периодике. Стихи переведены на ряд иностранных языков и языков народов бывшего СССР. Лауреат премии издательства «Молодая гвардия» (Москва) «За лучшую первую книгу»; лауреат премии критиков Союза писателей РСФСР «Лучшие стихи года»; лауреат премии губернатора Приморья «За достижения в области литературы и искусства», лауреат общероссийской премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» и др. Книга «Камни преткновенные» завоевала в Интернете специальный приз конкурса русской сетевой литературы «Тенета-ринет-1999». Автор нескольких поэтических сборников, в том числе изданных в Москве, религиозно-философских и богословских книг «Одухотворение текста», «Последний византиец русской книжности», «...И ропщет мыслящий тростник» и др. Избирался членом правления и секретарём правления Союза писателей России. Член редколлегий журналов «Дальний Восток» и «Сихотэ-Алинь». Доцент кафедры теологии и религиоведения Института истории и филологии ДВФУ, кандидат филологических наук.

Владимир Михайлович Тыцких. Окончил медицинское училище в Усть-Каменогорске (Казахстан),

Киевское высшее военно-морское политическое училище и курсы военных журналистов в Львовском высшем военно-политическом училище. Пройдя путь от матроса до капитана второго ранга, служил на Балтийском и Тихоокеанском флотах на надводных кораблях и подводных лодках. Руководил Приморской писательской организацией Союза писателей СССР (России), Студией писателей маринистов и баталистов Тихоокеанского пограничного округа, Департаментом информации и печати Морского государственного университета им. адмирала Невельского. Автор тридцати книг поэзии, прозы, публицистики, литературной критики, изданных в Москве, Норильске, Усть-Каменогорске, Владивостоке. Лауреат более десятка литературных премий, в том числе золотой медали им. Константина Симонова, золотой медали им. Генералиссимуса Суворова, золотой медали им. Валентина Пикуля, Международной премии «Пушкинская лира» (Нью-Йорк). Более десяти лет входил в редколлегия журнала «Дальний Восток», был постоянным корреспондентом газеты «Литературная Россия». Организатор Дней славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке, редактор дальневосточного журнала «Сихотэ-Алинь», руководитель литературной студии «Паруса» при Русском географическом обществе во Владивостоке. Член Союза журналистов СССР (журналистский стаж более тридцати лет), член Союза писателей СССР и России (в литературе с момента выхода первой книги – тридцать один год), действительный член Русского географического общества. Несколько сроков избирался в правление, был секретарём правления Союза писателей РФ. Заслуженный работник культуры России. Работает в Дальневосточной государственной академии искусств.

О «Жизни под парусом» И О ЖИЗНИ

Рецензия на книгу Владимира Гаманова
«Жизнь под парусом (Записки яхтенного капитана)»

Валерий КУЛЕШОВ,
г. Владивосток.

Доктор философских наук,
профессор. Преподаёт
в ТОВМИ им. Макарова.

С Гамановым я познакомился несколько лет назад на одном из мероприятий литературной студии «Паруса» при МГУ им. адм. Г.И. Невельского. Большой зрительный зал был заполнен курсантами и студийной не равнодушной к литературе братией. Кандидат технических наук, профессор, первый проректор вуза Владимир Федорович Гаманов вручал на сцене счастливым авторам экземпляры очередного, изданного в МГУ, литературного альманаха и говорил о незаменимой роли литературы и искусства в формировании человека...

МГУ им. адм. Г.И. Невельского заслуженно слывет среди вузов региона своеобразным центром культуры. Здесь обсуждаются и издаются публицистика и художественные произведения, отсюда стартовали ежегодные автопробеги по краю с большой культурной программой. Все это стало возможным, благодаря целенаправленной поддержке руководством вуза. Владимир Федорович умудрялся выкраивать время для непосредственного участия в подобных мероприятиях. А когда я узнал, что этот администратор с учеными степенями и званиями, имеющий неисчислимые функции и обязанности, является еще и мастером спорта, побеждавшим в статусе капитана яхты в международных океанских гонках, у меня невольно возник вопрос: как все это можно успеть?

В какой-то степени ответ высвечивается из контекста его книги «Жизнь под парусом...», вышедшей недавно в издательской программе Владимира Тыцких «Народная книга». «Записки» Гаманова – это неравнодушное повествование о яхтах, о море, о становлении яхтсменов, способных побеждать. Пишу «яхтсменов» (во множественном числе), так как на страницах книги вместе с автором неизлечимо болеют яхтенным спортом его собратья по духу. Без этого диагноза трудно представить какой-то другой источник безграничного энтузиазма, заставляющий два года трудиться, чтобы своими руками построить яхту. И построили – в полном соответствии с теорией устройства судна и, естественно, с осуществлением процедуры разбития бутылки шампанского перед спуском на воду.

События более чем тридцатилетней временной дистанции, связанные с яхтами, и участники этих событий изображены зримо, эмоционально, с такими подробностями, которые требуют избирательной цепкости памяти. А память надолго, или навсегда, берет с собой то значимое, что выделяется на сером жизненном фоне. Это интересно автору (есть что вспомнить), и, благодаря его несомненному писательскому дару рассказчика, читатель, в том числе не яхтсмен, имеет уникальную возможность «пожить под парусом». А «пожив под парусом», не сможет не изумиться силе духа и физическим качествам спортсмена-яхтсмена. Сам я, послужив в прошлом на различных боевых кораблях, сейчас, после прочтения книги Гаманова, впервые явственно и с уважением ощутил ту, высшую, степень «оморяченности» яхтсменов среди нашей многотысячной морской когорты. В океане мы полагаемся на надежность корабля – именно он борется со штормом. На яхте бешенству стихии противостоит

человек. События таких противостояний автор изображает ярко, зримо, иногда с чувством юмора. «Могучая сила бросила яхту парусами на воду. Я легко вылетел из своего гнездышка на втором кроватном ярусе и шмякнулся правым бедром и предплечьем об окантовку нижней кровати противоположного борта... Все болталось, хлопало, гремело... Слава Богу, в пятьдесят лет кости не такие уж хрупкие. Надо сказать, что деревяшке повезло меньше. Она раскололась и требовала ремонта». Сегодня за письменным столом и на презентации книги Владимир Федорович позволяет себе улыбнуться, комментируя штормовые перипетии. Но читатель, брошенный талантом рассказчика в рискованные ситуации борьбы за выживание, понимает, что там было не смешно. Подробные штормовые сюжеты не оставляют адреналин в состоянии штиля и убеждают, что человек побеждает, казалось бы, в неравной борьбе с безумным всесилием океана, благодаря профессионализму, мужественному хладнокровию и слаженности действий экипажа яхты.

«В штормах есть одна прелесть – они имеют свойство когда-нибудь заканчиваться», – опять-таки с некой долей юмора замечает Гаманов. А между штормовыми сюжетами поистине сказочные картинки, которые может подарить только море с его безграничной, в отличие от суши, изменчивостью. Здесь Владимир Федорович – поэт: «И явилась... лунная радуга. Волшебная гигантская сферическая дуга словно прочертила границу между адом и раем. На фоне прорезаемой молниями черной стены она отливала белой платиной или серебром, переходящим в серое мерцание. Нижний обод очертила темная, словно усыпанная огненной пылью, линия, резко контрастировавшая с мглой у нас за кормой».

А еще – интересные и порой неожиданные встречи в Японии и Австралии, любопытные подробности событий, участниками которых были спортсмены-яхтсмены, находясь в этих странах, и, конечно, с любовью нарисованные портреты друзей, для кого яхта стала, по выражению одного из них, «точкой в море, куда уходят все свободное время и деньги».

Они – фанаты парусного спорта, а еще и великие труженики, так как состояние яхты и уровень ее «боевой готовности» поддерживаются руками членов экипажа. Гаманов с грустью констатирует, что когда новенького «любителя паруса» заставляют делать грязную, нелегкую работу, тяга к парусному спорту почему-то пропадает. Из сотни кандидатов остаются единицы.

Да, «Жизнь под парусом» до явственной зримости обрисовывает всю подноготную романтического очарования белоснежной яхты на морском фоне (при взгляде с берега) и показывает настоящее мужское жизнелюбие, заставляющее максимально уплотнить волю, труд и эмоции на этом земном отрезке времени, подаренном Всевышним.

А еще, уже независимо от основного сюжета и желания автора, книга рассказала о человеческих взаимоотношениях. Владимир Федорович не рассуждает, не философствует на эту тему, не раскрывает причины, почему начальник, коллега, или просто хороший знакомый подключаются, иногда даже с энтузиазмом, к решению его проблем. При этом делают это, в противовес современной олигархической идеологии, не преследуя выгоды и личного интереса. Благодаря этому, появляется попутное судно, доставляющее яхту и экипаж в Австралию, находятся спонсоры, финансирующие изготовление новых парусов, или обеспечение яхты современными навигационными атрибутами. А представьте, уважаемый читатель, что, находясь в Австралии, Вам необходимо заказать изготовление детали в Англии и до начала гонок получить ее! И это было по силам.

У автора абсолютно отсутствует самолюбование, но то, о чем он молчит, не может не подсказать читательская логика. А она говорит, что быть яхтенным капитаном, не являясь при этом олигархом, невозможно без немалых организаторских способностей и соответствующей им работоспособности. И еще, о чем Гаманов не обмолвился словом (но о чем, и это не парадокс, убедительно рассказала книга), это о великой жизненной ценности чистого нравственного следа, оставляемого нами в памяти тех, с кем сближала когда-то жизненная дорога. Простите за такую высокопарность, но в современном духовном вакууме об этом надо кричать на всю Россию. В «Жизни под парусом» проблемы решаются через людей и среди людей. Нетрудно догадаться, почему сокурсники, или бывшие коллеги, спустя

много лет готовы подставить экипажу Гаманова надежное дружеское плечо. «Сам такой!» – незамысловато отшучивается, правда, по другому поводу один из соучастников «Жизни под парусом».

И вообще страницы книги дышат мощной жизненной энергией, человеческой надежностью, излучая одновременно добрый юмор и комфортную ауру автора. Гаманову повезло с друзьями, а им повезло с Гамановым. И нам, читателям, повезло:

«Жизнь под парусом» оказалась еще и книгой про жизнь.

К сожалению, сегодня у требовательного читателя и хорошей книги существует проблема поиска друг друга. Заинтересовавшиеся могут приобрести «Жизнь под парусом» и другие издания «Народной книги» у директора издательской программы Эльвиры Кочетковой. **Контактный тел.:** 8-914-335-7816; **e-mail:** haos216@mail.ru

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

Владимир ЯЛЫННЫЙ

Взяться за перо заставило значительное событие в моей жизни. Конечно, всё началось с ничего не значащих, рядовых моментов. Дочь предложила почитать книгу. И у меня в руках появилось, на первый взгляд, обычное современное издание, иллюстрированное качественными цветными фотографиями в твёрдой обложке с хорошей печатью. Автор Владимир Федорович Гаманов и название «Жизнь под парусом».

А читая, понял, что в жизни моей произошло то редкое событие, которое мы ожидаем и живём им – замечательная книга, написанная не по шаблону, а рождённая самой жизнью.

Спасибо, Владимир Федорович, за то, что Вы своим произведением заставили меня вернуться к юным парусным годам, сыгравшим большую роль в моей дальнейшей судьбе. Возможно, не всем нормальным людям придётся по душе содержание книги, но человек, однажды заблудившийся морем, услышавший звон паруса, захватившего ветер, будет перечитывать её вновь и вновь.

В книге ярко представлен рецепт о том, как осуществить мечту, и сколько человеческих сил необходимо вложить в её достижение в то время, когда начальники оценивают твои действия ёмкой фразой: «"Пинжак" пришиваем к пуговице».

Яхты под названием «Дракон», «ЧП (Чёрный принц)», «Приморье» сделаны своими руками с помощью «эпоксидки», опилок и громадной изобретательности. А вот если вернуться в реальность, то можно представить, сколько средств и времени оторвано от семьи. И где черпать ресурсы, чтобы из хлама создать корабль своей мечты для покорения морей и океанов.

Продолжая хронологию, вспоминаем яхты «Восток», «Командор» и «Командор Беринг», которым подчинялись моря и ветер. Невольно приходит мысль, что автор предвосхитил события. Ведь в сегодняшние дни в строй дальневосточного флота вступил ледокол «Витус Беринг», работающий в сложных льдах Охотского моря.

Хочу сказать, что в географии Дальнего Востока заметно выделяется имя Беринга: Командорские острова, Берингов пролив. По этому случаю невольно складывается пожелание автору в последующей книге проложить курс своей яхты в эти красивые

и суровые места нашей Родины, где тоже можно приготовить и отведать традиционное блюдо «Чингиз Хан».

Осмелюсь процитировать французского поэта Шарля Пьера Бодлера:

*В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Под шорох парусов и грохот якорей
Мы всходим на корабль, и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.*

Да, действительно – мечта безмерна, а все моря имеют предельность, то есть берег, к которому стремятся мечтатели, ценящие жизнь, берег, где нас любят и ждут.

И ещё раз, спасибо, Владимир Фёдорович, за книгу, за Ваш труд, за беспредельность мечты.

Доброго Вам здоровья и успехов.

Ирина СУБОТНИЦКАЯ-КОЛОТОВА

Книгу В. Ф. Гаманова «Жизнь под парусом» я приобрела одна из первых на очередном заседании студии «Паруса». Начала читать и не могла остановиться. Несмотря на присутствие некоторых специальных терминов книга захватывает с первых страниц. Возникает ощущение личного участия в событиях – таким ярким и живым языком они описаны. Содержание удачно дополняет большое количество фотографий.

В книге охвачен большой период времени с 1964 по 2012 год, называется широкий ряд имён, многие из которых оказались мне знакомы. Пока читала, вспомнила свою молодость с катерами, яхтами и баркасами. События в Даляне дороги особо. Там в 1945 году работал мой отец. Наша семья добиралась туда на караване судов, периодически тральщик обнаруживал и обезвреживал мины. А молодые современные ребята дошли туда на яхте!

Книга очень полезна для молодёжи. В ней показано взросление начинающих яхтсменов в различных сложных ситуациях, проявление смекалки, мужества, взаимовыручки и доброго отношения к друг другу в гонках, штормах и на берегу тоже. В ней хорошо сказано: «Не просто быть капитаном».

А вообще, считаю, что эта книга для всех возрастов и людей самых разных профессий, потому что она про человеческие отношения.

Большое спасибо за книгу!

Люся

Валентина РУЗАВИНА,
г. Дивногорск
Красноярского края.

Валентина Николаевна родилась на ст. Облепиха Иркутской области. Окончила Сибирский технологический институт. Работает в Дивногорском художественном музее. Писать начала после сорока лет. Размещает свои рассказы на интернет-портале Проза.ру. Печаталась в газетах.

Никогда не любила просыпаться в чужом доме. С детства не любила. Уговорят подружки ночевать у них, когда мама в отъезде. Вечером все хорошо: какие-то разговоры, детские тайны откроем друг другу. А утром... Какой-то холод, не уют, чужие запахи утреннего дома.

Я проснулась с больной головой и растрепанной прической. Макияж вчера смыла как попало.

Город еще спал. Только чуть-чуть слышались звуки. Проехала машина. Хлопнула входная дверь. Загудел лифт.

Наверное, шестой час. Рядом со мной спал полноватый молодой мужчина. Вчера все казалось так здорово! Мы до поздней ночи пробыли в ресторане. Арсений сорил деньгами: заказывал для меня музыку, семгу и дорогой коньяк. Я много выпила. Подошла к пианисту, и мы с ним исполнили песню Н. Брегвадзе «Ах, эта красная рябина». Нам аплодировали. От избытка чувств я укусила за плечо пианиста, за что Арсению пришлось заплатить ему «зелененькую бумажку». Потом я решила перетанцевать какого-то тридцатилетнего мальчишку. Перетанцевала! Курит много – дыхания не хватило. «Под занавес» я танцевала босиком, в одних колготках. Протерла пятки. Вот балда! Но когда я начала размахивать подолом юбки, мой внутренний голос сказал: «Люся, это уже не танец, это начинается стриптиз!» Я вовремя остановилась.

Потом мы с Арсением куда-то далеко ехали, он у черта на куличках живет. Я обещала ему, что останусь с ним жить навсегда. Скрашу его неустроенный быт сейчас и одинокую старость лет через двадцать-тридцать.

Но сейчас мне расхотелось выполнять свои обещания. Вчера я явно погорячилась.

В квартире пахло сигаретами, хоть мы и проветривали. От спящего Арсения пахло молодым здоровым мужиком, дорогим одеколоном и слегка перегаром.

Я вжалась в спинку дивана. Форточка болталась от ветра и противно скрипела.

– Шуруй домой, Люська!- сказал мой внутренний голос, – Пока не поздно.

– А как же Арсений? Он такой одинокий на своих Северах, – возразила ему я.

– Не пропадет, с такими деньгами еще помоложе тебя отхватит. Ему бы скромную деревенскую девушку, а не такую белоручку, как ты, – продолжал капать на нервы мой внутренний голос – моя совесть и судья.

Я потихоньку пролезла у самой стеночки, чтоб не задеть ни руку, ни ногу безмятежно спавшего мужчины.

Наскоро промыла глаза в ванной с чужими запахами. Там же оделась, чтоб не включать в прихожей свет. Мягко открыла входную дверь и мягко притянула ее на себя. Щелк! И закрыто. Сбежала три этажа, потом вызвала лифт. Минут десять мерзла на остановке, махнула такси. Ух! Уже ближе к дому!

– На Свободный! Потом покажу дом за гастрономом, – выдохнула я.

Семь часов двадцать минут. Хоть бы мой «Гаврилыч» спал. Тихонько открыла дверь. На кухне горел свет. Пахло кофе и почему-то булочками с ванилином. Чудо! Как в детстве.

– Леша, а ты уже не спишь? – крикнула я с порога.

– Людочка, привет! Иди завтракать, – ответил муж.

– Ой, я так замерзла на остановке, сейчас ноги погрею в ванной, – тараторила я.

– Как ваш девичник у Маринки? – через дверь спросил муж.

– Ой, Лесик, такая скука! И ты ведь знаешь, что я не люблю ночевать «в людях». Я хорошо сплю только в своей постели, – нагло отвечала я. Ладно хоть в глаза смотреть не надо.

– Вода, вода, смой с меня всю грязь, перегар, дым сигарет, чужие запахи, чужие поцелуи, – заклинала я.

– Вот стерва, – вклинилось опять мое второе я.

– Прекрати, я люблю мужа, просто у нас разный темперамент, – возразила ему я.

– Леш, кинь мой зеленый махровый халат, – опять крикнула я.

– Да висит уже в ванной, – ответил мой мудрый муж.

Мы пили кофе. Я толстым слоем мазала масло на ванильные булочки, а сверху еще сыр. О, блаженство – дома! Что это? Телефон.

– Я отвечу, – сказал муж. Я больно прикусила щеку.

– Дура, ты еще и телефон Арсению дала, – опять шептал мой внутренний голос. – Тихо! Я вытянула шею – слушаю.

– Люсю, какую Люсю? Здесь только Людмила Олеговна живет, – ответил муж.

– Ошибся кто-то, – сказал он мне.

Город оживал.

ПОЭЗИЯ

Марина ЗАЙЦЕВА,

г. Корсаков

Сахалинской области.

* * *

Как в омуте –

нечистой силы

Развелось по всей России.

Только оборотням нашим –

С рангами и ксивами –

Никакой Закон не страшен.

Разве... кол осиновый!

* * *

Один летает круто в вышине.

Другому так не суждено подняться.

В итоге, оба лягут в тишине

На равной глубине – два двадцать...

* * *

Сакральна наша тяга к власти.

При виде власти – дрожь от страсти.

Лишь от инстинкта размножаться –

Под власть всемогущего ложатся?

* * *

Забыв об участии Содомы и Гоморры,

Плодятся разных извращенцев своры.

И Богу, чтоб «зачистить» нечисть эту, –

Уже придётся разом сжечь планету!

* * *

За детей мы в ответе –

За больших и за малых.

Всё лучшее – детям:

Чердаки и подвалы...

* * *

Ваш мальчишка вырастет мужчиной,

Жизнь, даст Бог, счастливым проживёт –

Ежели с армейской дедовщиной

Он в бою неравном не падёт.

* * *

Молодые нынче ранние.

Молодые нынче дерзкие.

Хоть порой мозги баранин,

Но всегда ухватки – зверские.

* * *

Птичий грипп... собачий...

грипп свиный...

По аптекам рыскает народ –

Как всегда, обдурен-околпачен –

Фарм-акулам прибыль создаёт.

Макаркины сны

Вариации на тему поэмы Юрия Кабанкова
«Мирская хроника» (дневной сеанс)

Геннадий БОГДАНОВ,
г. Хабаровск.

«Что, читатель,
 глядяшь удивлённо?
Или – камешек в твой огород?
В Туле падали желуди с клёнов –
Да и то не смущался народ!»
.....
«Очумев
 от рифмованных строчек,
прогрохочет
 непрощенный гром...
Третьи сутки комбайны
 рокочут
за моим запыленным окном».

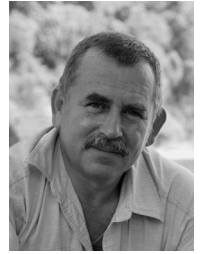
Ю. Кабанков.

Тема быстро сгорела, но ярко.
Строк плетень угораздил
 под снос.
И сидит постаревший Макарка,
Впавший в детство,
 морщинист и бос.
Век прошёл, а поди же ты,
 выжил!
Нет, читатель, тебе невдомёк
В даль какую налаживал лыжи
В удэгейской тайге Моргунок.
Моргунок...
 Что-то с памятью стало,
И в поэме о нём две строки.
Самогонку закусывать салом
Очень любят у нас мужики.
Но осилить сеанс Кабанкова
Без поллитры, пожалуй, нельзя –
Где еще повстречаешь такого,
Чтоб из грязи да сразу
 в князья?
.....
Кто-то ходит по комнате тихо,
Моноotonно диктуя диктант:
Комсомолка вдруг стала
 чувихой –
Молодежь проявила талант.
Брюки-дудочки,
 туфли на «манке»...
Не внучок ли того Моргунок?
Говорила прабабка цыганка:
«Не хватайте быка за рога».
Дядька «з Киева» что-то не едет,
И в саду отцвела бузина.

Всё в порядке – гуляют соседи,
Кислых щей нахлебавшись
 сполна.
И какого рожна ещё надо,
Где Макарка телят-то не пас?
Эх, Гренада моя ты, Гренада!
Мне б в Испанию
 хоть бы на час.
.....
Напотешились вдоволь,
 и будет.
Спи, читатель, тебе повезло.
То не старого Оненко бубен –
Это рокеры «Ногу свело».
Не на век, а на два постарели.
Уж давно не в чести коверкот.
Сын собрался жениться
 в апреле –
В мае точно подаст на развод.
.....
Солнце село, рассказ
 не закончен.
Стало быть, оскудела душа,
Сокровенного выдать не хочет...
А Маруся была хороша!
Жаль Макарка её не заметил.
Но Марусю не грех описать.
Хороши ковыли на рассвете –
У Маруси такая же статья.
Бред какой-то! Откуда девахы?
«Да казачка даурских кровей».
После бани продай хоть рубаху,
Но в гранёный стаканчик налей!
Это мы, так сказать, разумеем
Для сугрева российской души.
Замахнулся, давай, брат, смелее,
Ту казачку как есть опиши!
Что сказать?
 Хороша несказанно
Ни при чём здесь в степи
 ковыли.
Вышла замуж она за Ивана
И – за край обреченной земли.
На Камчатку уехали, значит,
А потом, говорят, в Магадан.
«По тебе Воркута, братец,
 плачет,
Там, однако, допишешь роман».
Вот пристали,
 как банные листья.

Расскажи вам, да всё покажи.
Не пророк я, тем паче
 не мистик,
Не по мне толковать миражи.
Есть дела поважней
 Магадана
И подводного флота сложней.
Повстречал я недавно Ивана
В тесном обществе нищих
 бомжей.
И ходила «паленка» по кругу,
Согревая нутро, может быть.
И в подвале найдя тёплый угол,
Ваня спал. Да и что говорить?
Разве мало похожих историй?
Тихо! Бредит болезный во сне:
«Ох, ты горюшко горькое горе,
Что скажу я любимой жене?»
Меднолицый нанаяц осмыслив
Ванин бред, произнес неспеша:
«Баба шла, да с пустым
 кормыслом,
Вот и мается нынче душа».
.....
Но оставим в покое Ивана.
Из подвальных тенёт
 да на свет.
Город есть на краю океана,
А в том городе славном – поэт.
Нет, не злобой, конечно, –
 любовью
Мы пытались друг друга
 понять.
Если честь обретается кровью,
Я готов за неё постоять.
.....
За окном не комбайны рокочут.
То рычат дизеля тягачей.
Обещали синоптики к ночи
Снегопад. Будет рифма
 звончей!
Припорошит снежком
 колокольню,
Засияет звезда Рождества.
Ставлю точку на этом,
 довольно.
Пусть у вас не болит голова.

До встречи, ноябрь!

Виталий СЕРКОВ,
г. Сочи.

Пароход

Ларисе

Пароход будет плыть
долго-долго по Сухоне вниз.
Будем молча стоять мы,
на поручни облокотившись,
Но, взорвав тишину,
рухнет берега рыжий карниз
И погонит круги, с шумом
в светлую воду скатившись.

Так порою и жизнь,
прогибаясь
под чьей-то судьбой,
Обрывается разом,
беду разгоняя кругами.
Если жизни своей проиграю
по глупости бой,
То прошу: угости на поминках
друзей пирогами.

И прошу: поднеси на помин
беспокойной души
Не в хрустальных напёрстках,
а в русских стаканах
гранёных
Мужикам, что придут
проводить меня.
В нашей глуши
В поминальные дни
не бывало людей обделённых.

Пароход будет плыть
на закате июльского дня,
Упреждая гудками
идушее встречное судно,
А из солнца прольются
последние капли огня
На высокую церковь,
что верил увидеть подспудно.

Поплывёт над землёй
этот полуразрушенный храм
И напомнит опять
про творимое здесь
окаянство,
И, как гордость Руси,
как недавней истории срам,
Будет молча стоять,
озирая глухое пространство.

Не читается и не пишется,
Даже думать о чём-то лень.
Занавеска слегка колышется.
Всё одно мне: что ночь, что день.

Во спасение печка топится,
И мигают в ней угольки.
А в душе моей что-то копится,
Заполняя все уголки.

Терпеливо жду – пусть расселится...
Догорит в печи головня,
И печаль моя вновь рассеется,
Ни за что меня не вина.

Всё заходит вокруг да около,
Чувства новые забредут,
И взлетят слова ясным соколом,
И значение обретут...

*Дождь идёт, а тянет на болото.
Снег идёт, а тянет на реку.*

Н. Рубцов

Я и сам из этой же породы,
И, дождливой хмари вопреки,
Обойдя дома и огороды,
Набиваю тропку вдоль реки.

Одолев насилие – переправу,
Перелесков несколько – шутя,
Нахожу я рыжики по праву
И волнуясь, словно бы дитя.

На коленях ползаю под елью,
Раздвигаю мокрую траву;
Называя действие канителью,
Аккуратно режу гриб, не рву.

И, набрав пудовую корзину,
На ремне её через плечо
Заведя, ещё «тяну резину»,
Дымом «Примы» пыхнув горячо.

И шагаю, мокрый и усталый,
Про себя ли, вслух ли сентябрю
«Я пока мужик ещё не старый,
Но грибник со стажем», –
говорю.

Очертания корпуса строги,
А луна – примостилась
на крыше.
Я ловлю промелькнувшие
строки
В голове или где-то повыше.

Потянувшись, собака зевнула,
Отряхнулась и спряталась
в будку.

Что ж ты, жизнь,
так меня обманула,
Превратив бытие моё в шутку?

Так давай же с тобой поиграем
В кошки-мышки,
а может быть – в прятки.
На краю я бывал, а за краем
Мне пока не знакомы порядки...

*Мне некуда больше спешить.
(из старинного романа)*

Как будто я этого стою:
Со мною прощаясь, ноябрь
Хрустит пересохшей листвою
И гонит озёрную рябь.

И лес, на ветру содрогаюсь,
Последний роняет наряд;
На зов декабря откликаюсь,
Рябины багрянцем горят.

Перину пуховую тучи,
Спеша, раздирает норд-ост.
Денёк – и пушинки, летучи,
Укроют и крыши, и мост.

А я, озирая пространство
И следуя в плен к декабрю,
«Спасибо, – шепчу, –
за убранство»,
«До встречи, ноябрь!» – говорю.

Судьба не представила шанса
С природой в гармонии жить,
И, словно герою романа,
Мне некуда больше спешить...

Жизнь, которая светит другим

Дмитрий СОСНОВ,
г. Омск.

Воспоминания о Михаиле Малиновском

Моя первая встреча с замечательным писателем и человеком Михаилом Петровичем Малиновским произошла в апреле 1998 года. Что-то, трудно передаваемое словами, было в этом человеке. Это «что-то», очевидно, определило все мои дальнейшие отношения с ним. От него исходил какой-то внешне невидимый, но ясно ощущаемый душой свет или, как принято говорить сейчас, – духовная сила. Поэтому, вступив с ним в разговор, я не почувствовал большой разницы в возрасте, а почувствовал эту самую силу и вообще сложилось стойкое впечатление, что мы с ним давние знакомые и просто какое-то время не виделись. Помню также, что сразу показал ему какие-то стихи и мы обменялись телефонами. Затем мы стали периодически созваниваться. В октябре того же года у меня состоялось обсуждение рукописи на молодёжном лито СП РФ, которое прошло очень жёстко отчасти и по моей вине – из-за нехватки времени не сумел как следует выстроить подборку, а отчасти и потому, что не всем обсуждавшим меня понравилось духовно-философское направление моих стихов, тогда эта тема только начинала разрабатываться. Приехав в район, где тогда проживал, я с полчаса побродил по посёлку – домой идти не хотелось. Тут и пришла мысль позвонить Малиновскому. К моей великой радости, несмотря на позднее время, Михаил Петрович взял трубку, внимательно меня выслушал и, приободрив, порекомендовал готовить другую рукопись, ни в коем случае не закливаясь на постигшей меня неудаче. А в декабре того же года Михаил Петрович без всяких ссылок на занятость и болезни (а их, как я узнал позже, было у него предостаточно!) пришёл на мой авторский вечер, проходивший в центре искусств «Творчество» Сибади. Мудрый наставник не только назвал меня состоявшимся автором, но и акцентировал внимание собравшихся (среди которых была и известная омская поэтесса Татьяна Четверикова) на духовно-философской составляющей моих стихов, заметив, что будущее поэзии как раз за этим направлением. В результате буквально через две недели на областном семинаре молодых литераторов, проводившемся СП РФ, я получил рекомендацию на издание своей первой книги стихов. Собственно, с этого момента практически всё мною написанное читалось

либо по телефону, либо лично именно Михаилу Малиновскому.

Предвижу, что некоторые скептики начнут говорить, что я любил известного писателя только потому, что тот хвалил всё ему показываемое. Они неправы – замечания Михаил Петрович тоже мне делал, но как сказала уже после его ухода, поэт Балхия Тленчинова, «умел он их делать так, что хотелось бегом бежать их исправлять!» Просто поразительно, что, будучи прозаиком, он так тонко чувствовал и поэтическое слово, и процесс его создания. Кстати, одной из любимых фраз его была такая: «Я рассчитываю на понимание».

Что ещё мне очень импонировало в нём, так это интеллигентность души, обусловившая его огромную терпимость в разговоре с собеседником, даже если мнение того, с кем приходилось беседовать, было противоположным его собственному. Это его качество – быть интересным собеседником – отмечали и многие другие люди, даже весьма далёкие от литературного мира.

Несмотря на это, когда было необходимо, он мог принципиально отстаивать свою позицию.

Отличным примером может послужить случай, произошедший на одном из заседаний омской организации СРП. Обсуждался вопрос о редколлегии альманаха «Складчина». К тому времени Михаила Петровича стало основательно подводить зрение, фактически он уже не мог читать многочисленных рукописи, и ему приходилось их выслушивать. В этой связи он попросил вывести его из состава редколлегии, подытожив своё краткое выступление так: «Я не хочу быть свадебным генералом!». Это вызвало бурю протестов, кто-то даже заметил, что само его имя – знаковое в омской литературе. Но в ответ, уже опираясь на палочку, служившую ему много лет, Михаил Петрович решительно, даже чуть повысив голос, провозгласил, что роль свадебного генерала – не для него. Думается, этот весьма поучительный пример может послужить важной чертой духовного облика этого человека. После этого я для себя решил, что, если когда-нибудь попаду в такую же ситуацию, то постараюсь поступить так же.

Вспоминается и другой случай. Как-то мы поговорили о низком, так сказать, материальном

обеспечении писателей. Разговор проходил с присутствующим Мастеру чувством юмора. В качестве особо забавного случая он рассказал мне, как один известный литератор бахвалился перед ним своими загородными хоромами, удивляясь, как Михаил Петрович может довольствоваться своей скромной дачей... «Я никогда за этим не гнался!» – смеясь на другом конце провода, сказал Малиновский.

Надо так же заметить, что Михаил Петрович, слушая стихи или рассказ, никогда не проходил мимо любой даже мало-мальски интересной находки автора. Так, выслушав моё стихотворение «Юность души», он заметил: «Вот твоё пусть небольшое, но – открытие»...

Помимо чисто литературных тем, наш разговор касался и самого сокровенного – так, например, Михаил Петрович наставлял меня в православной молитве, никогда не отказываясь дать совет в любой чисто житейской ситуации. А однажды, когда я ему пожаловался на какую-то неприятную, сильно задевшую меня ситуацию он сказал так: «Молись. Ты выдержишь, потому, что у тебя – выносливая душа!».

Позже наши беседы стали короткими, но Михаил Петрович вплоть до самого ухода живо

интересовался литературным процессом, с юмором, правда, уже с горчинкой, замечал, что находится «на обочине литературной жизни» и искренне радовался, что я его о ней информирую. Обычно беседы заканчивались так: «Молюсь за вас!» – «И я тоже!»

Незадолго до своего ухода Михаил Петрович ещё раз порекомендовал вдумчиво относиться к творчеству, не тратить свой дар по мелочам. И в ответ на мою просьбу встретиться «за парой папирос» пообещал, что ещё раз мы обязательно встретимся и обязательно посидим у подъезда.

Так и вышло. Только вот курить любимый «Беломор» Малиновского мне пришлось уже в одиночестве. Впрочем, в этот момент из-за туч ярко выглянуло солнце, напоминавшее улыбку покидающего этот мир человека с большой душой. Мастера Михаила Малиновского.

P.S. Когда на похоронах М. Малиновского кто-то задал вопрос: «Где сейчас его душа?», мой взгляд невольно коснулся борта катафалка, куда только что поставили гроб. Надпись на борту гласила: ООО «Рай». Думается, комментарии излишни.

ПОЭЗИЯ

Андрей КОЗЫРЕВ,
г. Омск.

Автор поэтических сборников «Небо над городом» (2008 г.), «Мелодия для луны с оркестром» (2009 г.), «Терпенье корней» (2010 г.). Публиковался в журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Голоса Сибири» (Кемерово), альманахах «Складчина» (Омск), «Мой любимый город» (Москва) и в других.

Приручение любви

Я сердце, как птенца, приворожил,
Сесть на ладонь ко мне его заставил,
Чтоб пело сердце, полно свежих сил,
на радость нам, не зная жизни

Любимой сердце,
как простой птенец,

Приручено, покорно и смиренно,
А я... я плачу, как старик-скупец,
Вновь вспоминая то, что незабвенно:
Свободу сердца, синеву, полет,
Простор небес, где пролетали птицы,
Рождая песни ночи напролет,
Чтоб утром вдалеке

от взоров скрыться.
Устало сердце петь изо всех сил,
И я к нему склоняюсь

ближе, ближе...
Я сердце, как птенца, приворожил,
Ладонь раскрыв:
Лети, птенец! Лети же!...

Письмо в детство

Юлии Петровой
Не помню я, детство, какое ты было.
Курчавое? Рыжее? Светловолосое?
Ты было полно звезд серебряной
пылью,
Ты было полно
глаз пытливых вопросами?

Не помню... Ушло ты.

Но много осталось:
Земля, что огромней
влюбленного сердца,
Простор небосвода, любовь,
ласка, жалость,
И посох поэзии, чтоб опереться.

И счастье осталось,
светлее созвездий,
И горе осталось, затменья мрачнее,
И жажда быть с кем-то
в скитаниях вместе,
Кому-то доверить
быть страстью своею.

С тех пор много было,
и много узнал я, –
Обман, безнадежность,
тревогу и злобу,
Но святость твою
сохранил я в печали
И буду хранить до кончины, до гроба.

И, как бы ни били мне душу
волненья,
И, как бы судьба
ни была к нам сурова, –
Осталось терпенье, простое терпенье,
Мужское, без звука, без стопа,
без слова.

Вот и лето кончается

Зинаида ПАЛАЙЯ,
д. Кочергино,
Ивановская область.

* * *

*Утешно вспоминать под старость
детски годы.*

Константин Батюшков.

Я впала в детство,
как впадает речка
в огромный океан.
Как милость свыше
негасимой свечкой
дар памяти мне дан.

Я помню всё: и чаек лёт высокий
к незримым берегам,
и отблеск солнца –
бог тысячеокий,
бегущий по волнам,

и ветер острый, пахнущий
далёкой
неведомой страной,
привет отцовский
в крене самолёта
над крышею родной...

Лишь волн мятежных
с оторочкой пенной,
что ластились к ногам,
я дух строптивый –
символ поколенья –
забвению предаю.

Вспоминаю...

как сидели с дедом на завалинке,
грело солнце, рос его табак;
я была тогда совсем уж маленькой
и не помню слов его, а так –
ласковое только ощущение:
дед любил, наверное, меня,
и любило солнышко весеннее,
кажется, любила всех и я...

как ходили в сопки за орехами,
собирали много, про запас,
как светило солнце
сквозь прореху
в драных тучах,
словно рыбий глаз;
никогда я не была добытчицей –
набрала орехов меньше всех

и на развесёлый детский смех,
как всегда, обиженно
набычилась...

как поникли дедовы печально
почему-то мокрые усы,
как прижал меня к груди
отчаянно –
гонг... перрон... вокзальные часы;
и обрывки тех воспоминаний
мчатся вдаль клоками облаков –
то ли явь, то ли остатки снов –
детство дальнее,
Восток мой Дальний...

Цвет времени

Не надо моря мне –
достаточно, когда
трава шумит зелёными волнами
за окнами, распахнутыми в даль
меж светлыми лесными берегами.

Когда-то на других, песчаных,
берегах
по кромке пенного
извилистого следа
брела девчонка в розовых лучах,
не ведая о бедах и победах.

Такой же дом, и окна –
так же в даль,
но синими шумящую валами;
ей не знакомую ещё печаль
они в глубинах времени
скрывали.

Что было ей дано, отхлынуло
волной,
и пенный след спокойно
высыхает...

Теперь мой слух в обители
лесной
ласкают волны, полные стихами.

Они мне в утешение даны
как связь с неведомым
счастливым краем,
где время кончится,
но цвет его волны
останется в стихах, непререкаем.

* * *

По гладкой поверхности
стекаю в детство,
где можно вот так
распластаться
и греться, греться,
пока совсем не растаю
в лучах горячих
цвета небесного чая.
Здесь гладь переходит морская
в пустынный берег,
где шторма ночного скалы
разбились вдребезги
и чайки хватают слёту
судьбы подачки,
не зная другой заботы.
Бездонье счастливого детства –
на вырост платье,
мне этого тихого средства
до смерти хватит
по грубым ступеням горя
взойти без плача,
с судьбою уже не споря.

* * *

Наливается яблоко
под окошком моим.
Вот и лето кончается –
золотой херувим.
Разнесётся, развеется
тёплый яблочный дух,
оставляя задумчивый
ностальгии недуг.
Зазвенит еле слышными
перезвонами грусть,
будет вторить ей преданно
ветки жалобный хруст.
Листопада печальная
закружит карусель,
и заплачет забытая
в давнем детстве свирель.
По протоптанной ниточке
выйду к краю села,
где черёмуха вешняя
белой павой плыла.
...Первых ласк откровение,
горечь поздних разлук...
Ах, как добр, как спасителен
тёплый яблочный дух!

За то, что радостно и гордо...

Виктор КОВРИЖНЫХ,
г. Кемерово.

Стихи публикуются по рекомендации Русланы ЛЯШЕВОЙ.

Однажды

Лопухи, крапива, лебеда,
старый пруд в мерцающей
печали.

Прилетали лебеди сюда,
караси отчаянно клевали!

Подплывали лебеди к мостку,
Подбирали булочные крошки.
И несли их важных по песку
лапы, словно перья у сорожки.

Серебрились в озере круги,
наливались зорями ранетки.
Дед Пахом начистил сапоги
и пошёл, посватался к соседке!

Может, Божья милость
иль судьба?
Или просто времени везенье? –
Уродились славными хлеба,
в огородах – овощи и зелень.

* * *

Во мне особенная сила.
Я – крановщик! К тому ж не трус.
Внизу, как будто вся Россия, –
Глядит народ, глаза разиня,
Как поднимаю мощный груз!

Тридцатитонную громаду
Несу неспешно за ограду,
На брусья вежливо кладу.
С небес спускаюсь и с бригадой
Беседы разные веду.

Знамение

Бабка Тимониха видела Бога.
Видела дважды:
на зорьке и в полдень.
Бог поднимался по Волчьему логу
с сияющим нимбом
и в белом исподнем...

С утра обошла всё село
и селянам
гуторила новость
про чудо святое:

– Гляжу, Он идёт, нет,
плывёт над поляной.
А над головою – кольцо золотое...

И кротко вздыхая,
крестилась на горы.
Её утешали резонно старухи:
знать, сыну Валерке
амнистия скоро
иль будет от дочки письмо
из Мозжухи...

Наверно, ей это приснилось,
поскольку
старуха – одна...
Да и Бог в её сказе
был явно похожим
на Климова Кольку,
который ей уголь привёз
на «Белазе»...

* * *

Копры, терриконы, трубы.
Серый ослепший снег.
Дорог шахтёрский рубль,
долг в России свет.

Уставший от штурмовщины,
лимитов и очередей,
всё гонишь и гонишь машины
в пространстве судьбы своей.

Кричит о погонных метрах
газетная полоса.
Врастает корнями в недра,
кроной дымов в небеса.

И помыслы не о наградах –
о планах в речах сквозит...
О Богом забытом граде
церквушки свеча горит.

Судьбою своей ответил
за долгий России свет:
играют в шахтёров дети,
в парках ослепший снег.

Не просим любви у неба,
хоть там, у седых деревень,

припас голубого снега
декабрь на чёрный день.

* * *

Когда снесут мою деревню,
взамен построив «город-сад»,
на шпалы вырубят деревья –
я буду в этом виноват...

За то, что радостно и гордо
воспел карьеры и завод,
на трудовые звал рекорды
и мне откликнулся народ.

И вот: у станции осока
кивает гулу поездов,
а на диспетчерской сорока
свила железное гнездо.

Кормиться к фермам ходят
звери,
поют деревьям провода...
И лгать легко себе, и верить
в союз Природы и Труда.

* * *

Старухе этой –
девяносто с лишним.
Уж немощна она да и слепа.
Но, видно, бережёт её
Всевышний –
для смерти не протоптана тропа.

Живя в квартире дочери и зятя,
свободная от кухонных забот,
она молчит в каморке виновато,
что век чужой давно уже живёт.

Ей совестно за немощность
и кашель
и потому, украдкой от родни,
она на ощупь протирает кафель,
передвигаясь робко вдоль стены.

И по ночам к Всевышнему
старуха
взывает все грехи её простить.
И – умереть, пока тепло и сухо,
чтобы зимой могилку не долбить.

Бабушкин свитер

Анна ПЕТРОВА,
Виннипег, Канада.

1.

Настоящее имя бабушки было Хельга, но все звали ее Ольга. Фамилия бабушки была Мартенс. Такая же и у Иры, потому что сын бабушки, папа Иры тоже носил фамилию Мартенс. А звали его Карл. И Ира получалась – Ирина Карловна Мартенс. А маму Иры звали Нина. И фамилия у нее Тарасенко. Потому что второго маминого мужа звали Анатолий Тарасенко, и мама взяла его фамилию, когда вышла второй раз замуж после того, как папа умер.

Папа Иры был на двадцать лет старше ее мамы. Он работал ведущим инженером на предприятии Сибзавод в Омске. Папа делал трактора и другую сельскохозяйственную технику. Однажды прославившись сельчаком, он любил петь старые немецкие песни, которым его еще в детстве научила бабушка Ольга. Ира чувствовала себя счастливее всех на свете, когда они жили все вместе в большом старом доме бабушки. Там стояли пианино и огромный деревянный шкаф, набитый старыми книгами на разных языках, а у огромной чугунной печки на меховом пуфике спал толстый рыжий кот, которого звали как папу – Карл. Иногда домочадцы не могли понять, кого зовет на кухню бабушка – папу или кота. Иногда они прибежали вместе – папа весело мяукал, а кот молча пугался у него под ногами.

Отношения мамы с папой можно назвать очень ровными – папа ее обожал и всегда старался баловать “своих девчонок”, а мама ласково позволяла ему это делать. А вот с бабушкой отношения у Нины не заладились сразу. В этом не было ничего необычного – старая-престарая немка, родившая сына в тридцать с лишним лет еще “при царе Горохе”, как говаривала Нина, привыкшая в доме быть единственной хозяйкой и иметь сына в полном распоряжении, очень болезненно восприняла приход в дом совсем молодой девушки. Ее сорокатрехлетний сын не мог надыхаться и налюбоваться на свою красавицу-жену и не мог скрыть восторга от рождения дочери. Бабушка Ольга не была законченной эгоисткой и понимала радость сына и даже отчасти разделяла ее, но для нее оказалось непривычным все то, что так неожиданно ворвалось в ее старенький скрипучий дом. Она мужественно пыталась соответствовать в свои семьдесят с большим лишком лет коллективу, в котором ей довелось оказаться, но получалось у нее так себе. Например, когда все, напившись чаю, вдруг начинали играть в шумное домино или бегать в прятки по дому... А бывало и вовсе неудобно – только присядет старая в кресло почитать у окна, как включают громко музыку, набегут в дом подружки внучки и начинается тарарам. И готовить, по ее мнению, Нина не умела, и гладила рубашки плохо, и вообще,

уделяла ребенку мало времени. Но замечания эти она вслух невестке никогда не делала. Нина сама за нее озвучивала все ее мысли.

Именно бабушка Ольга научила Иру нотам и игре на пианино. С пунктуальностью, присущей только немцам, она каждый вечер усаживала маленькую рыжую непоседу на старую обитую кожей скамеечку и начинала очень тихим и нудным голосом объяснять премудрости звуков. Сухими тонкими пальчиками Ольга отбивала такт по колену внучки и такой же такт отбивала по клавишам.

Именно пианино и сблизило внучку с бабушкой. Годом к десяти Ира вдруг поняла, что хочет стать музыкантом. Ей грезились залы филармоний и консерваторий, овалы и букеты. И бабушка изо всех сил постаралась поддержать внучку в этом зарождающемся возвышенном интересе.

Но неожиданно все оборвалось. Как это описывают во всех классических повестях – дождливым осенним вечером к ним пришли папины коллеги и друзья по работе и сказали, что отец в больнице, потому что прямо на рабочем месте у него случился инфаркт. Ира и раньше слышала от бабушки, что у папы слабое сердце, но это для нее ровным счетом тогда ничего не значило. Зато когда через четыре дня после этого визита у них на веранде появилась красная крышка гроба, до ее сознания дошло, что это за напасть – «болезнь сердца».

Смерть отца очень сблизила бабушку и внучку. Ира оставила на время всех подружек, предпочитая проводить время дома. Бабушка ей много рассказывала про свою нелегкую жизнь. Именно тогда Ира узнала, что бабушка происходит из меннонитов – немцев-сектантов, строго придерживающихся библейских учений, еще в начале 30-х годов родители выдали ее замуж за старого вдовца с четырьмя детьми. Муж умер через пять лет. А его дети, повзрослев, постепенно один за другим оставили дом. А потом, уже когда ей было за тридцать, у нее случился роман с одним женатым членом общины. И ее изгнали. Она ушла с сыном, с папой Иры, «в мир», как называли меннониты все, что лежало вне их общины. В их устах красивое слово «мир» звучало с оттенком пренебрежения. В миру ей было идти некуда. И она подумала и решила пойти в отдел образования с предложением своих умений обращаться с детьми и играть на музыкальных инструментах. И ее взяли учительницей музыки. И даже выделили под жилье комнату в деревянном доме, где кроме нее жили еще несколько учительниц. Они все подружились и жили душа в душу, пока кто-то из них не вышел замуж, а кто-то не поменял работу или место жительства. Так бабушка Ольга осталась в старом доме одна. Там

она состарилась и пошла на пенсию. Своих родственников-меннонитов она никогда больше не встретила.

Единственным предметом, напоминающим ей о родных, была длинная-предлинная нить жемчуга. Откуда в ее семье появился этот жемчуг, она не знала. Это всегда являлось загадкой, так как меннонитки, следуя уставу общины, украшений не носили. Но именно эту длинную-предлинную жемчужную нить цвета топленого молока, мягко и мелодично постукивающую в дрожащей руке, ей в последнее мгновение тайно сунула за пазуху мать, с болью глядя в глаза дочери, полные слез.

Ольга берегла жемчуг как зеницу ока. И даже в самые трудные годы не продала и не рассталась с ним. Очень грустно становилось ей при мысли, что именно из-за этой жемчужной нити и испортились ее отношения с невесткой. Трудные девяностые годы встретили оставшуюся без кормильца семью безжалостной гонкой людей на выживание, жестокостью и равнодушием.

– Ради ребенка! – кричала на кухне усталая после двенадцатичасовой смены Нина. – Ради ребенка, единственной внучки, не можешь поступиться какими-то бесплодными воспоминаниями! Сама уже не можешь ничего в дом принести, так хотя бы по жемчужинке, по жемчужинке продала бы! Ирке в школу обуть нечего, подруги смеются, а ты на ладан дышишь да все свой жемчуг прячешь!!! Ирка вся бледная – уже месяц фруктов не ела...

Нина глухо рыдала, уткнувшись ночами в подушку, а Ольга, не дрогнув и мышцей лица, шла мочить подушку в свою шляфциммер. Ира пыталась мирить их, убеждая маму, что ей не нужны фрукты и туфли, потому что она никуда не ходит, а в школе довольно и одной пары кед.

Бабушка Ольга не говорила внучке ни одного плохого слова про Нину, а Нина, видимо, накричавшись, молчала про Ольгу при дочери. Но Ира чувствовала и понимала – мира между ними нет и не будет. Так нудно и однообразно прошло несколько лет, в течение которых Нина не раз пыталась тщетно разыскать жемчуг в доме...

2.

А потом Нина неожиданно заявила, что выходит замуж и уходит жить к мужу. Своего будущего мужа, Анатолия, она привела показать внучке со свекровью. Ольге он, естественно, не понравился. Нина так и сказала ей, уходя вечером:

– Толик тебе не понравился, но он очень добрый и не жадный. Не то что некоторые...

А Ире, которой на тот момент исполнилось уже шестнадцать лет, стало уже все равно, потому что ей самой уже нравились мальчики и мечталось выйти замуж. Правда замужество она свое представляла очень странно – избранники в ее юном воображении менялись, но обстановка оставалась та же – праздничные столы в их старом доме и любимая бабушка, встречающая ее с женихом со своим коронным

немецким яблочным кухеном в тонких пергаментных ручках.

Новый муж мамы оказался преуспевающим предпринимателем. Он был большой и шумный. Бабушка его звала “кальб”, что по-немецки значило “теленоч”. Он владел большим новым домом в строящемся под Омском поселке для бизнесменов. В новый дом Нина дочку не звала, понимая и чувствуя, что ни старуха, ни девочка не согласятся покинуть друг друга. Посещала их Нина все реже и реже, но деньги, так неожиданно свалившиеся на нее в неограниченном количестве, Нина подкидывала им регулярно.

Так и остались вдвоем очень старая бабушка и совсем юная внучка.

Неожиданно для себя Ира открыла, что общение с бабушкой Ольгой необычно интересно. Бабушка научила ее плести немецкие кружева, делать одеяла квилт, печь необычные пироги и варить супы. Внезапно оказалось, что бабушка помнит все-все из своей далекой юности – какие мальчики ей нравились, кто какие записки кому передавал...

Однажды бабушка рассказала свою собственную историю уже совсем под новым углом.

«Я никому никогда не рассказывала это. Я думала, что это все грешно и таила и молилась. Но сейчас, прожив жизнь и повидав множество чужих жизней, я поняла – как невинна и наивна была моя первая любовь.»

Мне только-только исполнилось семнадцать. Его звали Петер. Да... так просто его звали. Он лучше всех пел в церковном хоре. И лучше всех работал в поле. И лучше всех управлялся с лошадьми. По крайней мере, мне так казалось.»

Я смотрела на него тайно. Нам нельзя было показывать наше внимание противоположному полу. Люди сказали бы, что это грех и осудили бы. Но все равно вся молодежь смотрела друг на друга, – бабушка рассмеялась, – тайно!

Потом я заметила, что и он тайно смотрит на меня. И мы вместе таились и смотрели друг на друга. И вот он однажды передал мне записку со своей младшей сестрой. Записка была в Библии. Там он написал стихи из послания апостола Павла: «Любовь не мыслит зла и все прощает!». Я вернула ему Библию с цветочком. «Разбитое сердце» – так называются эти простые садовые цветы. И все между нами стало ясно и просто. Иногда, невзначай столкнувшись в коровнике, мы целовались. О, как быстро пролетали эти небесные мгновения! Мы даже в церкви не могли говорить друг с другом, потому что сотни глаз следили за всем и вся. Женщины в церкви сидели с одной стороны, мужчины – с другой. Каждый взгляд, каждое движение в сторону противоположного пола могло быть замечено любим и истолковывалось всегда однозначно – у них интерес!

Неожиданно его младшая сестра проговорила родителям. Она думала над нашей перепиской и решила, что мы можем совершить грех. Бедняжка долго плакала и рассказала сначала матери, а та уж

рассказала мужу. Петера моего выдрали ремнем и решились срочно женить. Ему было уже 18, и они посчитали, что уже несколько медлят. У меннонитов в обычае женить детей рано, заранее выбрав им подходящую, с точки зрения общины и семьи, пару. Очень часто специально учитывалось, чтоб молодые не были друг в друга влюблены, потому что любить друг друга больше нежели Бога было грешно... Так нас и разлучили. Его женили на милой и скромной девушке. А меня вскоре выдали замуж за довольно старого вдовца, нуждающегося в помощнице по хозяйству...»

Старая Ольга плакала крайне редко. Все трудности и несчастья она сносила стоически, безмолвно молясь... Но, заканчивая повествование, она отерла покрасневшие глаза рукавом старого белого свитера. Ира обняла бабушку, и они вместе надолго загрустили.

– Это я рассказала тебе про свою невинную любовь, Иринushка. А вот про любовь – виновницу моего изгнания из общины не могу рассказать всего. Скажу только, что Карла, твоего папу я родила все от него же, от моего милого Петера... Но его, видишь, не изгнали из общины. За него замолвила слово вся его родня, а особенно просила жена. Его оставили каяться и исправляться под присмотром общины. А меня выставили. И родителям было велено от меня отказаться. У меннонитов именно женщина всегда является причиной мужского грехопадения. Петер передал мне через маму вот этот свитер. Он был тогда совсем новенький, только-только священный его мамой...

Действительно, Ира не мыслила бабушку без этого старого белого пушистого свитера. Локти на нем бабушка уже заштопала давно. А чтобы штопка не очень бросалась в глаза, латала ее старым бисером. Свитер постепенно видоизменялся – из просто белого становился разноцветным – то солнышко появлялось на нем, то кошечка, то цветочек.

А потом как-то зимой бабушка слегла. Ей шел уже девяносто первый год. Болезнь ее не являлась неожиданностью, но Ира все равно восприняла ее очень тяжело. Она готовилась к свадьбе. И сны из детства о том, как бабушка выносит ей с избранником свой замечательный яблочный кукен, не давали ей покоя.

– Бабушка, миленькая, только поправься, – шептала она ей в седых витках старческое большое ухо, – Господи, пусть моя бабушка еще поживет! Я так ее люблю!

Ирин избранник Саша изо всех сил старался помочь. Он покупал фрукты и лекарства, возил бабушку на отцовской машине по докторам. Но все доктора, как один, безнадежно смотрели мимо Ирино лица, куда-то за плечо и старательно выговаривали каждое слово:

– Вы же понимаете, что возраст такой!

Однажды бабушка попросила больше ее к врачам не возить.

– Если Господу будет угодно, то я еще поживу, а если нет, то, значит, так лучше, – сказала она. – Вы,

детки, лучше к свадьбе готовьтесь. Не откладывайте. Если тянуть не будете, то, может, и я на ней еще пиригов поем.

Свадьбу назначили на апрель. Бабушка, сидя на высоких подушках в постели, все так же в своем белом старом свитере, плела внучке кружева на платье.

– Не было у меня платья свадебного, Ира. В церкви меня за вдовца замуж в простой юбке и белой блузе отдали. А я так мечтала самой себе кружева на юбку сделать... Вот... Внучке наплету кружев.

Такая важная задача заставила бабушку Ольгу стать снова энергичнее и, видимо, вдохнула в нее новые силы. В конце марта, она поднялась на ноги и собственноручно приготовила внучке и ее избраннику луковые колбаски. Вечером они с бабушкой в четыре руки сыграли на пианино, а Саша, у которого оказался неплохой голос, попытался петь в такт музыке.

А на следующий день, когда бабушка осталась в доме одна, ворвался Анатолий. Более двух лет о нем не было ни слуху, ни духу. Нина жила в Испании, в купленной им вилле на берегу моря. В последний раз она приезжала прошлым летом и жаловалась, что он намерен бросить ее, поменять на молодую.

– Где ваш чертов жемчуг? – орал он на бабушку, носясь по дому как ветер и разбрасывая из шкафов вещи, – Дура ваша долгов на триста тысяч евро навешала на меня! Или вы жемчуг отдадите или... или... – фантазия Анатолия на этом обрывалась трехэтажным матерным слогом.

– Мы его давно продали... – только и сумела прошептать старенькая хрупкая бабушка.

Анатолий недоуменно захлопал ресницами, остановился и, словно приходя в себя после забытья, провел ладонью по глазам:

– Прости, бабка, – прошептал он и исчез так же быстро, как и появился.

Когда Ира и Саша пришли домой вечером, они нашли бабушку сидящую в своем старом кресле. В руках она держала свой старенький свитер. Лицо ее было спокойно. Руки уже холодные.

Ноги Иры ослабели и сами собой подогнулись, и она упала на колени рядом с бабушкой и, обхватив ее руками, заплакала... Саша гладил ее по склоненной голове и тоже плакал. Ему очень полюбилась тихая добрая бабушка, которая всегда очень тактично умела в нужный момент исчезнуть или появиться, сказать мудрое слово или промолчать и никогда, никогда никому не читала нравоучений и не делала никаких упреков.

Когда Ира высвободила из бабушкиных рук старый свитер, то обнаружила, что один шов был тщательно распорот и из него свисал уголок жемчужной нити, а из самого свитера выпал старый пожелтевший листок с полустертым написанным по-немецки карандашным текстом. Рядом, чуть ниже, бабушка нетвердой рукой приписала шариковой ручкой: «Ира, это тебе»

Большое счастье

Вера ГУНДАРЕВА,
г. Артём.

* * *

От памяти сердца спасенья
В сегодняшнем дне не найти.
Прожилками листьев

осенних

Расходятся наши пути.

Чем дальше, тем дольше

разлуки,

Тем ближе последний закат.

У памяти долгие руки,

У памяти пристальный взгляд.

Такую вдруг высветит малость,

Такой совершенный пустяк,

С которого всё начиналось...

Потом продолжалось не так.

Но мир, пошатнувшись,

не рухнул,

А выстоял, чёрт поberi!

И мы оказались за кругом,

А кто-то остался внутри.

Но нас не исправить.

И снова

Почти невозможного ждём –

Что в вечность упавшее слово

Вернётся к нам звёздным

дождём.

* * *

На асфальте тает снег,

Растекаясь в лужи.

Мне сегодня лучше всех,

А кому-то хуже.

Я ликую, я смеюсь

И дышу весною,

Но плетётся чья-то грусть

Рядышком со мною.

Тихо гладит по плечу –

Не отстанет, значит.

Я прогнать её хочу,

Но боюсь – заплачет,

Станет тихо слёзы лить,

Странная, чудная...

Мне б её развеселить,

Только чем – не знаю...

* * *

Значит, вот какое дело –
Не в ладу душа и тело.

Тело хочет повалиться,

Подавить собой диван,

А душа кричит:

«Стреляться!

Ложь! Предательство! Обман!»

Сердца маленький комочек –

Тот вообще особняком,

За густой решёткой строчек

Размечтался ни о ком.

Непорядок, хоть ты тресни!

Но вполне приличный вид.

Отдыхает тело в кресле,

А душа к тебе летит.

Ей до тела нет и дела.

Остаётся? Ну и пусть!

Поднялась и полетела,

Не сказала – мол, вернусь,

Не шепнула: «Ждите к ночи,

Сохраняйте бодрый вид»...

Видно, нужно было очень.

Что ж, пускай себе летит.

* * *

Часы замедлят бег,

и Время встанет,

Как памятник Великому Себе.

И город, исчезающий в тумане,

Исчезнуть не успеет – и замрёт

Ошеломлённо...

Из космоса летящая звезда

Застрянет прямо

посредине неба

И притворится лампочкой

простой.

И ты глаза не сможешь отвести

От глаз моих...

* * *

Лежу, болею. Тридцать восемь.

Жар в голове, на сердце лёд.

За окнами бушует осень –

Гремит, сверкает, воду льёт,

Свою показывает смелость –

Мол, тихой жизни не люблю!

Ах, разгулялась, расшумелась,

Как будто баба во хмелю.

А утром выглянет стыдливо –

Что натворила, боже мой!

Листву с асфальта торопливо

Сметёт прозрачною рукой,

Угонит тучи к дальним сопкам,

Протрёт полнеба по пути

И глянет преданно и робко:

Ну, виновата! Ну, прости!

А вдруг?

Вода в реке чиста,

Но путь не очень ясен –

А вдруг там нет моста,

А брод весьма опасен?

А вдруг там перевал,

А там, за перевалом,

Лесные кружева

В узоре небывалом?

А вдруг там поворот,

А там, за поворотом,

Большое счастье ждёт

Несчастливого кого-то?

А вдруг среди зимы

Испортится погода,

И там застрянем мы

На целые полгода?

Работу кончив в срок

И уточнив детали,

Шагнём на свой порог...

А вдруг нас там не ждали?

* * *

Азарт, азарт! Погоня за удачей

Без передышки – сам себе не рад.

Но ты уже не можешь жить иначе –

Азарт важнее будущих наград.

Возможный путь

к возможному успеху,

Последний шанс –

и подведёшь итог...

И рвёшься ты –

кому-то на потеху –

Достичь того, чего никто не смог.

Шинель

Михаил АНИЩЕНКО

Михаил Всеволодович – русский поэт. Родился 9 ноября 1950, умер 24 ноября 2012 г. Окончил Литературный институт. Издал несколько книг стихотворений. Среди них: «Не ровен час», «Тебя ещё нет, меня уже нет», «Поющая половица», «Квадрат тумана», «Оберег», «Песни слепого дождя». Был победителем и лауреатом различных российских и международных литературных конкурсов.

Стихи публикуются по рекомендации Александра БАЛТИНА.

* * *

А ещё золотое колечко – носи!

В. Боков.

Вот избушка.
Лес да кукушка.
Хлам наворочен
Возле обочин.
Ну а если на небе луна,
Падают звёзды
Справа и слева,
Появляется тут же она,
Королева.
Она дует в пастушью дудку,
Открывает собачью будку.
Улыбается мне: «Вассал,
Что ты нового написал?»
А потом говорит: «Да, да,
Снова та же с тобой беда».
И даёт мне ошейник – носи.
Так положено на Руси.

Шинель

Когда по родине метель
Неслась, как Сивка-бурка,
Я снял с Башмачкина шинель
В потемках Петербурга.

Была шинелька хороша,
Как раз — и мне, и внукам.
Но начинала в ней душа
Хождение по мукам.

Я вспоминаю с «ох» и «ух»
Ту страшную обновку.
Я зарубил в ней двух старух
И отнял Кистеневку.

Шинель вела меня во тьму,
В капканы, в паутину.
Я в ней ходил топить Муму
И мучить Катерину.

Я в ней, на радость воронью,
Кровоточил, как треба,
И пулей царскую семью
Проваживал на небо.

Я в ней любил дрова рубить
И петли вить на шее.
Мне страшно дальше говорить,
Но жить еще страшнее.

Над прахом вечного огня,
Над скрипом пыльной плахи
Все больше веруют в меня
Воры и патриархи!

Никто не знает на земле,
Кого когда раздели,
Что это я сижу в Кремле
В украденной шинели.

Раны Патрокла

Совесь моя, как дорога,
промокла,
Облако памяти сыплет дождём.
Милая женщина,
раны Патрокла,
Штопать не надо на теле моём.
Смерть подгадала и время,

и место,
Видно, не зря её любит Гефест.
Милая женщина,
мать и невеста,
В Трое отныне не будет невест.
Длинными тенями падают

стены.
Плавают белые чайки в крови.
– Всё это ради
Прекрасной Елены?
– Всё это, милая, ради любви!
Греки во тьме погуляли не хило,
Всё ещё слышатся
стоны и вой...

Завтра ты станешь
женою Ахилла,
Но через полчаса будешь
вдовой.

Зрение тает, туманятся окна,
Не рассчитали мы хода конём...
Что же ты плачешь
и раны Патрокла
Штопаешь молча на теле моём?

Вот и двоится оконная рама.
– Милая, милая, кто там идёт?
– Спи, мой возлюбленный.

Тень от Приама
Жертву вечернюю
к храму несёт.

* * *

Фотографии. Господи, вот ведь...
Не затянута льдом полынья.
И давно уже поздно злословить,
Отрекаться, что это – не я.

Нас отметили, как наказали.
Мы с тобою тоскою полны.
Ты косишь золотыми глазами,
Словно рыба со дна полыньи.

На упрёке закушена губка,
В кулачках умирает испуг,
И немного расстегнута шубка,
Слишком узкою ставшая вдруг.

А правее чуть-чуть, на отшибе,
Где и ныне закат не погас,
Детский садик нелепых ошибок,
Взявшись за руки,
смотрит на нас.

И вот так у речного причала,
Ни за что эту жизнь не вина,
Тридцать лет ты стоишь,
не качаясь,
Словно всё ещё веришь в меня.

До сих пор не открытая тайна,
Словно рыба, уходит на дно;
И лицо твоё в клочьях тумана,
Расплывется, словно пятно.

Можно было бы резкость
настроить,

Но фотограф пришёл
подшофе...

И не видно ещё, что нас трое,
Что нас трое на свете у же.

Коммунальная кантата

Александр БАЛТИН,
г. Москва

Вороны роняют круглые шарики грая, и медленно плывущий белый пух – тополиный июньский снег – контрастирует с ними, звонкими...

Двор, образованный суммой домов, есть часть сложной, разветвлённой лабиринтом системы – и несложно заплутать среди бесчисленных переходов, арок, тупичков, ежели не знаешь чёткого алгоритма пути.

Один из домов жёлт, громоздок, напоминает старинную хребтообразную крепость; голуби на карнизах его – что ноты, но мелодия не звучит, не звучит...

Дом наполнен коммуналками, и жизнь в нём густа, быт – что крепкозаваренный, настоящий чай, не то борщ, сваренный столь круто, что ложка стоит в нём, не падая.

Скрипят, стреляют половицы паркета; двери массивны, а потолки высоки – и любо ребёнку вглядываться в тонкие трещинки, представляя географическую карту несуществующей страны, мечтать.

На втором этаже живёт часовщик – дядя Костя – и ребёнок порой отправляется в гости к нему: пошуровать. – О, заходи, – приветствует его старый, с желтоватым пергаментным лицом часовщик, и ребёнок, немного робея, проходит к пузатому комоду, из какого выдвигается ящик, наполненный блёстками – колесатыми и с камешками – деталями, и, зачарованный, перебирает их, тихо бормоча что-то...

Пожилая болгарка на четвёртом этаже гадает, и пёстрые карты быстро мелькают в худых склеротических пальцах, обнажая скрытую схему чьей-то судьбы.

– Маш, рассольник выкипает! – режет воздух крик, и спешит заболтавшаяся хозяйка, спешит по длинному, коленчатому коридору на огромную кухню, где четыре плиты организуют пространство, как дома организуют двор. В пасти колонки синие языки пламени – трепещут они, как крохотные флажки... А сковородок! кастрюль! Скарб людской должен бы характеризовать хозяев – да нет, всё похоже: подумаешь – сковородка обожжена сверх меры, да не вычищена кастрюля...

Володька – в истёртом пальто, подвязанным сальной, перекрученной верёвкой, с худым, волчьим лицом – заходит к Вальке-сестре – тихой алкоголичке.

– Буишь? – А то!

Пьют из грязных, щербатых чашек сладкое тягучее пойло – портвейн, принесенный Володькой, дымят «Беломором», пускают ядовитую – по загубленным жизням – слезу.

Витёк – сын Олега – атлета, мастера спорта по

толканию ядра – катит по коридору на трёхколёсном велосипеде и распевает что-то, пока Любка – мать – не заорёт на него, или не позовёт ужинать.

Густо дана жизнь, мазки её пестрят, золотятся, чернеют...

Ребёнок во дворе слушает вороний грай, мечтавая собрать блёсткие шарики в коробочку... Качели скрипят, и две девочки в песочнице строят нечто.

... гроб вынесли из подъезда, установили на табурах; старуха рыдала, глядя лоб дорогого покойника; полукругом стояли люди, и ритуальный автобус был запылён.

Мальчишки семи и девяти лет глядят на похороны с лестничной площадки.

– А умирают навсегда? – спрашивает младший.

– А то, – басит тот, кто постарше в ответ. – Страшно?

– Ещё б...

– А давай поклянёмся не умирать никогда!

– Давай, – соглашается младший.

Летнее солнце подчёркивает запылённость окна.

Что дому чья-то конкретная смерть? Чужая трагедия? Провал в смертный проран? Массивный – стоит он вторую сотню лет, видавший так много смертей, свадеб, радостей, горя, будто пронизанный токами времени, хранит он в себе густую-густую плазму необъяснимой жизни, хранит надёжно – буд-то и впрямь противореча проiscaм смерти.

Александр БАЛТИН,
г. Москва

На смерть Михаила Анищенко

Драгоценностями одарив,

В смерть ушёл –

в открытое пространство,

Где яснее сутью каждый миф –

Каждый, что стихам давал богатство.

Далее небесные стихи

Будет сочинять – мы не услышим.

А пройдут восходами по крышам,

Ветром тронут ветхих чащ верхи.

Коли дар велик – не может дар

Прекратиться, как жизнь прекратилась.

Вечность от живых сокрыта – даль,

Что в его поэзию вместились.

Группа авторов, с которыми «Литературный меридиан» объединяет творческая дружба и совместное участие в общественно значимых культурных проектах, подготовила к печати книгу, посвящённую прошлогодним Дням славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Издание получилось неожиданным. Кроме материалов, непосредственно отражающих главный, как нам кажется, «культурный праздник» года, в книгу вошли необычные истории из жизни авторов, рассказы о людях и событиях, которые, мы уверены, будут интересны и нашим читателям.

«ЛитМ» планирует познакомить подписчиков с некоторыми страницами книги. Остается добавить, что книга называется «Долг человеческий».

Евгений АНТИПИН,
г. Владивосток.

И ЛУЖИЦЕ – СПАСИБО!

Автопробег. Понятие, которое для меня пропитано романтизмом. Оно пришло к нам из прошлого века, когда на заре автомобилестроения родилась идея прокатиться с ветерком по городам и весям – людей посмотреть да себя показать. И, конечно, ударить, как сказал великий комбинатор Остап Бендер, по бездорожью. Не забыв о разгильдяйстве и бюрократизме.

Главным устремлением нашего автопробега стало желание донести до людей доброе слово, поделиться теплом души, вместе с участниками наших встреч вспомнить отечественную историю, поклониться предкам за их труды и ратные подвиги. Но для этого необходимо прежде всего прочего, чтобы колёса наших авто довели эти самые души туда, где их с нетерпением ждут.

Стальной конь не ведаёт, что на уме седока, у него своя жизнь и свои слабости, о которых он молчит, до поры до времени тщательно скрывая опасность, подстерегающую экипаж, может быть, уже за ближайшим поворотом. Когда (как водится, не вовремя) его болячки выходят наружу, они застают врасплох всех сидящих в машине. Одна мысль пронзает и водителя, и пассажиров: всё, приехали!!!

Так случилось и в этот раз. Легендарный «Москвич-408», управляемый бардом-самородком, отчаянным и душевным парнем Сергеем Сидоренко, на одном из этапов нашего пути внезапно

закипел. Не раздумывая, сбегали в ближайший магазин за питьевой водой. Долив её в радиатор, продолжили путь. Но через час стрелка датчика температуры двигателя достигла критической отметки. Рядом оказалась колонка. Взяв про запас ещё пять литров, мы двинулись дальше.

В тот день летнее солнце радовало всех, кроме водителя трудяги-«Москвича». Раскалённый воздух лишь ускорял и без того работающее на пределе возможностей сердце машины. Если бы она умела говорить, наверняка бы уже давно попросила хозяина отправить её на заслуженный отдых или на капитальный ремонт. Но о каком отдыхе может идти речь, если сам хозяин забыл, что такое отпуск, а стальной конь изо дня в день тянет свою лямку, помогая ему обеспечивать дом всем необходимым, в том числе и дровами, которые приходится привозить из леса...

Вода, в очередной раз залитая в

радиатор, благополучно испарилась. Все ёмкости были пусты. До намеченного пункта, где нас ожидали люди, оставалось проехать не менее двадцати километров.

На наше счастье рядом с обочиной дороги притаилась замечательная лужа с прозрачной водой, кишасей различной болотной живностью. Импровизированным ведром из пятилитровой бутылки я зачерпнул сразу несколько литров этой, в буквальном смысле слова, живой воды и залил в жадно открытое отверстие радиатора. Проглотив с аппетитом несколько порций болотинки, «Москвич» радостно загудел и рванул вперёд.

Что удивительно, остаток пути мы проехали на одном дыхании, нигде не останавливаясь. Видимо, личинки комаров и прочие головастики своей «грудью» заполнили брешь, через которую вода уходила из двигателя, и тем самым позволили нам вовремя прибыть на долгожданную встречу.

Друзья!

Фонд БЭЛА (буллёзный эпидермолиз: лечение и адаптация) создан для оказания помощи детям с крайне редким генетическим заболеванием кожи – буллёзным эпидермолизом. В России по статистике около 4000 таких детей. В наш фонд обратились около 200. Наша задача – найти их всех!

Если вы, кто-то из ваших близких, знакомых, соседей страдаете подобным заболеванием, пожалуйста, напишите или позвоните нам!

Подобно крыльям бабочки чрезвычайно ранимая кожа этих детей может быть

повреждена даже лёгким прикосновением. К сожалению, это заболевание на сегодняшний день неизлечимо. Но облегчить страдания больных детишек, уменьшить боль, создать им условия для нормального развития – в наших силах. Повышение качества жизни детей, больных буллёзным эпидермолизом, а главное – создание для них специальной клиники – основные цели фонда.

Мы очень надеемся, что с вашим участием и поддержкой помощь детям-бабочкам будет оказана!

www.deti-bela.ru

E-mail: info@deti-bela.ru

Тел. 8(495)504-58-94

Литературная жизнь древнего Дмитрова

Виктор КРАСАВИН,
г. Дмитров.

Руководитель литературного объединения «Дмитровские зори», член Союза писателей Москвы.

Древний город Дмитров расположен в шестидесяти километрах от Москвы. Основан он тем же Владимиро-Суздальским князем Юрием Долгоруким всего на семь лет позже Москвы. От древней старины в центре города сохранился насыпной вал XII-XIII веков. Не одна деревянная крепость возвышалась над ним, как северный форпост Москвы. Сгорала под натиском татар одна, появлялась другая. Сейчас только воссозданные Никольские ворота напоминают о её существовании.

В дореволюционное время это захолустный уездный городок. Вот как описывал его местный поэт того времени Д. Зилов:

*Пять тысяч жителей, шесть винных лавок;
Шинки везде, трактир – второй разряд;
Завод колбас, к которому нужен навык;
Завод литья да кузницы длинный ряд.
Но слава города и смысл его – баранки!*

Собственно поэма Д. Зилова и проза С. Подъячева, имевшая положительный отзыв М. Горького, составляют всё литературное дореволюционное авторство города.

Вторую жизнь городу в конце тридцатых годов прошлого века дало строительство канала имени Москвы. Ранее он назывался каналом Москва – Волга. В городе размещалось управление строительством канала и «Дмитлаг», место обитания заключённых, на плечи и жизни которых легли основные тяготы строительства.

Здесь появились и новые литературные опыты, выпускалась газета «Перековка», где публиковались стихи строителей канала.

После Великой Отечественной войны при районной газете «Ударник» в 1948 году появился литературный кружок. Душой его стал один из строителей канала В. Калентьев: «Над морем зреющей пшеницы, над нежной зеленью овса сияют тихие зарницы – небес полумночных краса»

Позже кружок стал литературным объединением «Дмитровские зори». В нём работали поэты местного, областного и российского масштаба. Работа в литературном объединении то затухала, то разгоралась с новой силой в зависимости от обстоятельств. Менялись и места встреч: редакция газеты, районная библиотека, дворец культуры. Руководители вырастали в самих «Зорях». Молодой рабочий Ю. Куликов начинал здесь, позже руководил «Дмитровскими зорями», а ещё позже возглавлял поэтический отдел «Литературной России». Молодой преподаватель Д. Бутовецкий стал известным литератором, выпустил несколько книг и тоже руководил нашим литературным объединением. Школьник А. Горшенков тоже начал в «Дмитровских зорях», затем окончил Литературный институт, некоторое время руководил литературным объединением, сейчас работает в московском журнале.

В конце 50-х начале 60-х годов «Дмитровские зори» плодотворно сотрудничали с «Литературной газетой». Московские писатели и поэты неоднократно приезжали в г. Дмитров. В это время встречался

с членами литературного объединения известный поэт А. Яшин. В «Дмитровских зорях» развивался талант поэтов Г. Вихрова, Л. Тарана, ставших в последующем членами Союза писателей, выпустивших свои поэтические сборники.

Некоторое время объединением руководил поэт и сценарист Ю. Лакербай. При нём объединение выросло, помолодело, набралось профессионализма.

В 1987 году литературное объединение выгнали ото всюду. Но люди творческие продолжали писать и стремились к общению. Только через десять лет оно смогло возродиться при музее «Дмитровский кремль». Основу его составили выросшие в «Дмитровских зорях» С. Городецкая, А. Горшенков, В. Куйдин. Влились новые молодые поэты, стремящиеся к совершенствованию своих стихов. В 2003 году литературное объединение было награждено дипломом «Поэтическое Подмосковье». В год 850-летия города по инициативе и при самом активном участии «Дмитровских зорь», особенно Н. Кудиновой и С. Городецкой, вышел коллективный сборник дмитровских поэтов «Город радости моей». В том же году и Дмитров, который очень похорошел, был признан самым благоустроенным малым городом России.

В настоящее время литературное объединение работает на основании «Положения», утверждённого генеральным директором музея и разработанным нами «Уставом». В литературное объединение входят преимущественно поэты. На заседаниях обсуждаются стихи, которые заранее прочитываются всеми членами. Обсуждение происходит в критической, но доброжелательной обстановке. В этом мне очень помогла работа в литературных объединениях Владивостока «ЛОТ» и «Тихоокеанские зори». Опыт обсуждений в этих литературных объединениях удалось перенести в «Дмитровские зори».

Главное в нашей работе не диктат авторитетов, а помощь друг другу в совершенствовании мастерства. Мы не подстраиваемся под кого-то. Каждый ищет свой путь в поэзию со своими индивидуальными особенностями и пристрастиями. Каждый вырабатывает свой стиль. Часто на одни и те же стихи или строки встречаются противоположные мнения. Дело автора прислушиваться и решать самому. Очень важно в современных условиях оградить литературное объединение от случайных амбициозных людей. Имея средства, сейчас можно издать стихи далёкие от поэзии. Нередко приходят авторы со своими амбициями, ссылаются на изданные книги. Для того мы и приняли свой Устав: приходите, приносите свои стихи, мы не закрыты, но позвольте нам самим судить о качестве изданного или приносимого на обсуждение.

Некоторое время рупором «Дмитровских зорь» была местная газета «Времена и вести», опубликовавшая 20 страниц со стихами литературного объединения. Но в 2009 г. эта газета перестала существовать. Периодически появляются стихи в районной газете «Дмитровский вестник». Дважды страницы

литературного объединения публиковались в подмосковном приложении к «Литературной газете» «Подмосковье – культурная реальность»

В настоящее время мы не имеем постоянного выхода в печать. Каждый ищет свой путь и пробивается в одиночку. Литературное объединение лишь старается помочь в совершенствовании качества стихов и по возможности поддерживает.

Мастерство авторов заметно выросло. Успехи не замедлили сказаться. Автора детских стихов Н. Карпову (Тётушку Ау) заметили в Хабаровске, в Белоруссии. Дважды она становилась обладателем золотого пера Руси, в 2012 году стала победителем престижного конкурса «Каблуковская радуга». В этом конкурсе ежегодно отмечается дипломами разного достоинства Ю. Моисеев. Дипломами Московской городской организации СП России награждён В. Кабанов, участник «Школы Букеровских лауреатов» в г. Милане. Дипломами победителей отмечены стихи наших авторов на международном конкурсе «Звезда полей».

Налаживаются межрегиональные связи. Стихи авторов «Дмитровских зорь» появляются в самых разных изданиях России. Вот перечень городов, публикующих стихи нашего литературного объединения: Владивосток, Хабаровск, Омск, Пермь, Рязань, Москва, Санкт-Петербург. Четыре поэта в настоящее время являются членами разных отделений Союза писателей России.

Авторы «Дмитровских зорь» за последние пять лет индивидуально выпустили десять книг. Стихи постоянно звучат на встречах с читателями в районной библиотеке, в местном музее, дворцах культуры. На наши стихи написано множество песен местными авторами, поэтому встречи проходят, как музыкально-поэтические.

Конечно, не одними «Дмитровскими зорями» определяется литературная жизнь города. Есть маститый писатель Ю. Чернов, ветеран ВОВ, автор множества книг переведённых на иностранные языки. С ним поддерживаем тесные связи. Есть известная поэтесса Т. Смертина, с ней общаемся меньше.

В «Дмитровских зорях» читал свои первые стихи студент В. Никулин. Позже он организовал молодёжное литературное объединение «Студия АВТОР». Оно живёт самостоятельной жизнью. Часто проводим и совместные выступления. Обладая прекрасными организаторскими способностями, руководитель этого объединения сумел выпустить две книги молодых авторов. Более того, для поиска литературных талантов среди молодёжи он проводит при поддержке Управления культуры ежегодный конкурс молодых авторов. Конкурс пользуется большой популярностью среди школьников.

Управление культуры города прилагает усилия, чтобы начать выпуск ежегодного альманаха. Надеемся, что эти усилия увенчаются успехом.

Литературное объединение «Дмитровские зори» готовится 13 февраля встретить своё 65-летие.

Настроены провести день рождения литературного объединения, как праздник. Премия Главы администрации района позволила выпустить к этому дню книгу, собравшую в себя стихи авторов литературного объединения, начиная с его основания, своего рода антологию «Дмитровских зорь». Поэт С. Островой в своё время сказал: «Поэт живёт – пока его

читают. Хотя б один читатель на земле». Мы помним и храним память о тех, кто был до нас. Пусть даже кто-то не смог выпустить ни одной книги, но стихи заслуживают того, чтобы их помнили.

Главное, что литературная жизнь в городе не затухает, а развивается с хорошими перспективами и надеждами.

СТИХИ ПОЭТОВ ЛИТО «ДМИТРОВСКИЕ ЗОРИ»

Надежда РЯБЧУНОВА

ВЕСЁЛАЯ ГОДОВАЯ

Говорят, весна пришла. Значит, будет зелено,
Будет к чаю молоко, будет свежий мед.
Значит, старые дома будут вновь побелены,
Значит, мой любимый сад снова зацветет.

Говорят, что будет зной, все пророчат засуху.
Значит, будем загорать, развернув зонты.
Будем чаще приходить мы к речному берегу,
Будем чаще поливать нежные цветы.

Осень снова, говорят, постучится в двери к нам.
Ветер, слякоть и тоска, дождь и мокрый снег.
Значит, дома посидим, будем есть вареники,
И смотреть из теплоты на промокший свет.

Говорят, зима потом будет прехолодная.
На окне чудной узор напустит мороз.
Только стужа не страшна, если шапка модная,
И большой пушистый шарф укрывает нос.

Валерий КУЙДИН

* * *

Хочется мне быть поласковой,
Чаще целовать твои губы.
Ведь также, как поля сухой,
Чувства грубость губит.

А потому, несмотря на года,
Стихи пишу – душу вкладываю,
Чтоб ощущала ты, мною горда,
Сладость их шоколадную.

Мол, устарел, теребят, трубя.
Верно! Вирши немодные.
Но ими громы отвожу от тебя,
Беру на себя молнии.

И ночью безмолвной, белою
Из молний радуги делаю.

Юрий МОИСЕЕВ

НАДО И ХОЧУ

Не первый год брожу «кругами ада»
Или попал как-будто к палачу:
В душе война – безжалостного «НАДО»
С возвышенным и трепетным – «ХОЧУ».

Едва начнёт струиться в дом прохлады
По солнечному первому лучу,
В помятый горн трубит над ухом «НАДО»,
И под подушку прячется «ХОЧУ».

Лежит на сердце тяжести громада,
Но бесполезны жалобы врачу...
В течение дня – толкает в спину «НАДО»,
В ночи – скулит пришибленно «ХОЧУ».

Особо тошно в пору листопада,
Когда природа рядится в парчу:
Чеканит шаг в парадном ритме «НАДО»,
И, спотыкаясь, тащится «ХОЧУ».

.....
Я стану бить поклоны до упада,
Поставив Богородице свечу,
Когда сольются воедино – «НАДО!»
И полновесно-сильное – «ХОЧУ!»

Марина НАБОЖЕНКО

* * *

...И опять я не чувствую голода,
И опять мне не хочется спать.
Я от жизни как будто отколота,
Почему – не могу я понять.

И проклятые воспоминания
Накаляются как никогда...
И весна приползла ко мне раненой,
Прижимая к груди холода...

Моё сердце ударами молота
Заглушила обида опять.
Я от жизни как будто отколота,
А мне много ей нужно сказать.

Светлана ГОРОДЕЦКАЯ**В ПЕРЕПЛЁТЕ ВРЕМЁН**

Лазурное море, где нежатся рыбы стада.
Дома в окруженьи садов,
 где цветёт нескончаемо лето.
Наш дом за скалой. На заборе шуршат невода.
Гоняет с рассвета мой муж косяки
 разноцветные где-то.

Причал небольшой: два пролёта
 ступенек крутых.
Лебёдка подъёмника ждёт терпеливо улова.
Плоды, наливаясь в сад, загорают
 в лучах золотых.
Я яхте навстречу лететь серой утицей
 в море готова.

Сверкают на волнах
 в расплавленном полдне лучи.
Вот яхта в сияньи плывёт,
 как огромная синяя птица.
В руках капитана платок,
 и в мах ему сердце стучит,
И светятся счастьем глаза, и улыбки играют
 на лицах.

Ах, старый подъёмник,
 дождался счастливых минут
И песню завёл, выбирая тихонько канаты.
Дом ожил и сад, в них смеются и песни поют,
И рыба шкворчит на плите,
 и уже в майонезе салаты.

...Это тихое счастье в цветущем и тёплом краю.
Это было иль будет? Нигде не начертаны даты.
В переплёте времён мной потерянный
 в этом раю,

Мой любимый мужчина
 сигналил платочком мне с яхты.

Валентин УТКИН**МОЙ ПУТЬ**

Вот и осень вошла в мою дверь приоткрытую,
Веет ржавой листвой в подворотне двора,
И луна в небесах, тучкой нежно прикрытая,
Шепчет мне, что свой путь подытожить пора.
Да, нелёгкой была мне дорога в грядущее,
Шёл почти наугад, часто падал, вставал,
От чиновних плевков, от их лжи и бездушия
Встречный ветер мне душу и кровь очищал.
Сквозь и холод, и зной, и болота таёжные
Добросовестно нёс я нелёгкий свой груз,
В трудных буднях я понял, что очень похожие
Капли грязного пота и крови на вкус.
Мне теперь говорят: «Было время застойное,
И страна наша выдохлась, сбилась с пути...»

А что делала наша элита запойная?
(Ты меня, ради бога, за резкость прости),
Но я верю в звезду и в Россию великую,
Перестань же, луна, мучить сердце мне зря,
Сгинет нечисть и мразь, отношения дикие,
После ночи кошмаров зажжётся заря.

Ольга КОВАЛЕНКО-ЛЕВОНОВИЧ**ВОКЗАЛ**

Идёт состав по первому пути,
Мешая гарь вокзальную с туманом.
Спят в зале, на потрёпанном диване,
Бомж старый и девчужка лет пяти.
Под взглядами текучими прохожих
Спят, съёжившись – здесь холодно с утра.
А девочка – с моею дочкой схожа...
И сердце дёрнулось... Но в путь уже пора.
Дела, что ждали – канули. Осталось:
Вокзал раскинул чадные крыла,
Дверь хлопала, и стёкла в такт качались,
И сиротливо... доченька... спала...

Владимир КАБАНОВ

* * *

Кручу, кручу судьбы веретено.
Уходят дни и улетают годы.
Тебя не видел я уже давно,
И мысли затевают хороводы.

Вертись моё веретено, жужжи,
Пряди, мотай, вытягивай мой жребий,
А если будут в нём лишь миражи,
То от меня тепла взамен не требуй.

Я б не сложил судьбы без доброты,
Ведь в ней хранятся истины истоки.
Я счастлив тем, что есть на свете ты,
И тем, что ты читаешь эти строки.

Ольга ФОКИНА

* * *

В осенний Питер, полный дисгармонии,
Я увезла расшатанные нервы.
Я долго продлевала их агонию
И долго ожидала снега первого.
Но снег не шёл. Шла я. Со мной
Шли фонари в Неве парадным строем,
И вместе с ними, будто бы конвой,
Меня сопровождали чаек стоны.
И мысли разбивались о гранит,
И радиация нервозности волною
Накатывала и, отскочив от плит,
Захлёстывала, призывая к бою.

Я – не боец. И, путая следы,
Искала спешно свой маршрут на карте.
И львы прибрежные стремились проследить,
Как проиграю я судьбе одну из партий.

Наталья КАРПОВА

* * *

Хозяин гордился своими усами.
Он с ними возился, буквально, часами!
Усы подрастали, не зная печали –
Густели, блестели и кверху торчали!
Они хорошели, и было похоже,
Что очень гордились хозяином тоже!

* * *

Сапожная щётка для щётки зубной,
По слухам, является тёткой родной.
Но редко встречаются щётки –
«Чистюля» стесняется тётки!

* * *

Старый дворник получил
Новую метёлку.
Хрупкий прутик отскочил
И лежит без толку...
Прутик будто неживой,
Зубчиками почки –
Говорят, что в них зимой
Сладко спят листочки!
Ну, раз так – я их спасу,
От беды избавлю –
В дом скорее занесу,
В баночку поставлю.

Евгений КУРОЧКИН

МАЛЕНЬКАЯ МИСС М

Вечер крадется неслышною кошкой,
Видишь, стемнело уже за окошком.
Можешь побегать еще, но немножко,
Маленькая мисс М.
Вечер свое развернул одеяло.
Ты же, наверное, за день устала,
Дел совершила сегодня немало
Маленькая мисс М.
Вечер густеет, становится ночью –
Звездной, прозрачной, угольно-сочной.
Ты засыпаешь, свернувшись клубочком,
Маленькая мисс М.
Сон размывает и стены, и лица,
Вот ты летишь в золотой колеснице,
Что же тебе этой ночью приснится,
Маленькая мисс М?

Пётр КРЕТОВ

* * *

Экономя жар своей души,
Солнце прикрутило фитилёк.
Осень листопадами шуршит,
Всё короче делая денёк.

Моросят унылые дожди,
Сыро и промозгло по утрам.
Хоть совсем гулять не выходи,
Чтобы не ходить по докторам.

Наглый ветер зонтик рвёт из рук,
Разогнал с площадок ребятню.
В старом парке он берёз-подруг
Подготовил к фильму в жанре «ню»

Под окошком клён продрог совсем
Страхивает с плеч листочков медь
Только медальоны хризантем
Продолжают радостно глядеть.

Оживают трубы на домах,
Выдыхая в небо сизый дым.
И поёт Есенин мне впотьмах:
«Я не буду больше молодым».

Ульяна ГРУДЦОВА

ВЫШИТОЕ СОЛНЦЕ

Погасла зажатая в пальцах
Остывшего солнца улыбка.
Тебя не забывшие пальцы
Коснулись истории зыбкой.

Стежок за стежком – ежечасно –
Мне память тебя вышивала...
Узнать я старалась напрасно
Лицо в очертаньях овала.

Из жизни ищу повторений
На вышитом небе вчерашнем.
Ты ценность бесценных мгновений
Понять не пытался однажды.

Остыла – как солнце... Но пальцы
Сжимали, ломали иголки.
Остались распятыми в пальцах
Лучистого чувства осколки.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **один** раз.
 2. Отдельные произведения набираются на компьютере или печатаются на печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: полное имя автора (без отчества), его фамилия и наименование населённого пункта, в котором автор проживает (в произведениях, присланных в электронном виде, авторские данные указываются **один** раз). Отдельным документом прилагается биографическая справка.
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Текстовые файлы принимаются в формате **WORD**. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**).
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Кóстылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также рукописные работы, ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2013 ГОД (осуществляется круглый год)

	полгода	год
«Литературный меридиан»	370 руб.	570 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Кóстылева Владимира Александровича** по адресу для корреспонденции:

**692342, Россия, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16,
ежемесячник «Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой по указанному подписчиком адресу. Дополнительные затрат подписавшийся **не несёт**.

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.
Учредитель: В.А. Костылев
Объём издания – 8 печатных листов.
Тираж 500 экз. (включая электронную версию)
Цена свободная.
Номер подписан в печать по графику и фактически 12 февраля 2013 г. в 17-00.
Адрес издателя и редакции:
г. Арсеньев, ул. Островского, 8/1-20.
Отпечатано в ООО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1.
Дата выхода номера в свет – 19 февраля.

16+

АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ:

Россия, Приморский край, 692342, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан»,
Кóстылеву Владимиру Александровичу.
Тел. (+7) **914-666-1-999** (с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: **Lm-red@mail.ru** Наш сайт: **www.Litmeridian.ru**
Номер счёта в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТОВ, А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ,
И ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ.**

Редакция «Литературного меридиана» проводит курс на расширение творческих связей с литературными изданиями Российской Федерации:

«Сихотэ-Алинь» (г. Владивосток), «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), интернет-журналом «Молоко».

Приехали. Фото Василины ОРЛОВОЙ, г. Москва.

Байкал. Фото неизвестного автора.

Внимание! Подписка продолжается!

Стоимость полугодовой подписки составляет 370 рублей, годовой – 570 рублей. Указанная сумма отправляется почтовым переводом по адресу для корреспонденции:

692342, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16,
редакция журнала «Литературный меридиан»,
Костылеву Владимиру Александровичу

Справки по E-mail: Lm-red@mail.ru
или по телефону: 8-914-666-1-999

Лёд. Фото Ольги ПЕТРОВОЙ, п. Ольга.

